

КУДАШОВ И.
В ГОСТЯХ
У
МЕРТВЕЦОВ

Илья Вячеславович Кудашов

В гостях у мертвецов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68920905

SelfPub; 2023

Аннотация

Человек с тяжёлой судьбой решает скрыться на кладбище забытого всеми посёлка. Но там он попадает в череду странных событий и встречается с людьми, которые тоже прячутся от своего прошлого. Главного героя ждут зловонные могилы, мрачные ночи и гнетущее чувство потерянности, ведь даже смерть оставила его.

Илья Кудашов

В гостях у мертвецов

Пролог

Посёлок М был знаменит тем, что тут можно было поймать какую-нибудь старую телегу и через четыре часа прыжков по кочкам доехать до уездного города N. Именно этот воистину волшебный населённый пункт по пыльной дороге тёплым летним вечером обходил человек с саквояжем.

Он бросил немного обеспокоенный взгляд на спокойные дома посёлка. Какой-то мужчина чинил забор. Какой-то парень палкой гнал свиней по улицам посёлка. Какая-то бабушка сидела на крылечке и перебирала лукошко, видимо с ягодами. Человек с саквояжем не имел достаточных зрительных сил, дабы увидеть, что это были за ягоды, но он предполагал, что это дикая земляника. Выразительными вкусовыми качествами этой маленькой да, удаленькой ягодки ему уже успел похвастаться ямщик, который привёз его в этот чудесный край. Мимо прошла корова и как-то приветливо замычала, говоря: «Ну, так и живём. Не жируем, но и не бедствуем. А вы располагайтесь. Обживайтесь. Вы у нас надолго.»

Человек ухмыльнулся приветливой корове и, похоронив свои тревоги, спокойно зашагал по дороге. Солнце приятно

припекало, ветер ласкал кожу, бабочки порхали над цветочками, деревца махали лепесточками, тихо свистели синички, в пышные кусты юркнули две лисички.

Мимо пробежала весёлая стайка собак, как будто гнавшаяся за каким-то невидимым духом. Дорога сделала резкий поворот вокруг сожжённой церкви. Её колокольня упала, отвернувшись от неба. Она устала вечно задавать вопрос: «Почему?» – и никогда не получать ответа.

За церковью открывался прекрасный вид на кладбище. Оно терялось в сосновом бору, который почти окружил посёлок. Сотни и сотни надгробий и крестов стояли среди крон, как будто бесчисленное войско самой смерти. В мрачном молчании они наблюдали за посёлком. В тени деревьев они предавались своим тёмным, как само нутро могилы, мыслям.

У границы кладбища на человека закаркали вороны, сидящие между острыми пиками грозной стальной ограды, ограждающей пристанище мёртвых от земель живых. Он мог поклясться, что в насмешливом карканье слышится: «Никогда... никогда... никогда...»

Человек вышел на перекрёсток. Одна тропа вела в посёлок, другая на кладбище, и ещё одна – куда-то на запад. Он вздохнул, поправил свой рваный плащ и дырявый котелок и направился к мёртвым в гости.

Ворота на кладбище были открыты. Ковка на них была выполнена необычайно искусно. Она выглядела как сотни

рук, безуспешно пытающихся протиснуться между решётками. Человек почти минуту рассматривал ворота или делал вид, что рассматривает. Он в очередной раз поправил костюм, осмотрелся, ища за что ещё можно зацепиться можно, чтобы немного повременить с посещением кладбища. Нельзя было сказать, что человек этот был из пугливых, по крайней мере, он умел прикидываться смелым, но перед кладбищем он испытывал не то чтобы страх, а что-то иное (хотя, возможно, ему просто хотелось думать, что это что-то иное). Как будто бы человеку надо было сделать над собой какое-то усилие воли, чтобы войти. Ноги не хотели его туда везти, и нужно было прикладывать умственное усилие, как бы напоминая им, что они должны двигать его в сторону кладбища.

Одна из ворон пролетала мимо его головы, так близко и резко, что он невольно дёрнулся, и недовольно каркнула, говоря: «Да зайдёшь ты уже или нет?!»

Человек тяжело вздохнул и повёл себя на кладбище. Сразу за воротами гостей кладбища приветствовала старая обгорела ива, на самой низкой ветке которой висели две старые верёвки, одна обрезанная, а вторая обернувшаяся в петлю. Обойдя исстрадавшееся дерево, человек направился к администрации кладбища. Это был большой старый двухэтажный дом. Несмотря на то, что жилые дома никак не могут находиться на кладбище, он удивительно гармонично вписывался в общий стиль пейзажа. Все окна на первом этаже, а также на пристройках к основному зданию, были плотно за-

биты досками. Стены были покрыты царапинами и вмятинами. Рядом с домом расположилась небольшая клумба маков, похожая на растёкшуюся лужу крови.

Вдруг краем глаза человек заметил какое-то движение среди могил. Он никак не изменил походки или выражения лица, но постарался прислушаться к тишине кладбища. Ворона перестали каркать, могилы молчали. Но их молчание не вызывало никакого доверия. Кто мог скрываться за надгробиями? Могильные камни – неплохое укрытия, а тут ещё, как назло, куча деревьев, да и темнело уже. Человек был как на ладони. Он чувствовал, как кто-то направляет дуло винтовки в его сторону.

Он ненавязчиво почесал бок, нащупав нож под плащом. Нож бы никак не спас его от пули. Это движение было скорее нервным импульсом. Хотя человек знал, что если бы его хотели застрелить, то уже бы это сделали. Значит, либо они просто следят за ним, либо они собирались подобраться к нему и убить в рукопашном. Он уловил ещё несколько движений и шорохов между могилами. Они не приближались к нему, а держались параллельно. Значит Они всё-таки наблюдали за ним. Но почему он был уверен, что это Они?

«Лучше уж всегда думать, что это Они, чем попасть к Ним в руки,» – ответил он сам себе.

Он спокойно поднялся на крыльцо администрации и постучал в толстую массивную дверь, на которой не осталось ни одного живого места от царапин и вмятин. Ему открыла

женщина в строгом траурном платье. Лица её не было видно, из-за фарфоровой маски, которую, наверное, сделали из скальпа куклы.

– Вы новый сотрудник? – спросила она выцветшим голосом.

– Д-да, – немного оторопев ответил человек.

– Проходите, – она прижалась к дверному косяку, давая ему пройти.

Человек вошёл в тёмные сени дома. Женщина в маске закрыла дверь на десять замков и поднялась по старой лестнице. Человек наощупь следовал за ней, постоянно спотыкаясь и чертыхаясь про себя.

Поднявшись, они попали в маленькую уютную комнатку, смотря на неё, вряд ли кто-то мог бы предположить, что она находится в старом мрачном доме посреди кладбища. Отсюда человека повели в кабинет управляющего кладбищем. Это было тёмное место. Плотные занавески закрывали окна в комнате. Единственный луч, которому как-то удалось проникнуть сюда, выхватывал во мраке только стол, два стула и очертания господина, сидящего за ним.

Господин жестом пригласил присесть. Человек послушно подчинился. Он внимательно взгляделся в того, кто сидел перед ним. Это был старый бледный мужчина с аккуратно уложенными седыми волосами в абсолютно безукоризненном, хоть и старомодном костюме, отлично подогнанном под его болезненно худое тело. Его бледное изуродованное лицо

украшал длинный много раз переломанный нос. Свет резко отражался в его очках, не позволяя заглянуть в глаза. Его маленький рот, как будто вырезанный ножом, был искривлён в лёгкой ухмылке.

– Добрый день, – учтиво сказал он не тихо, но и не громко, не медленно, но и не быстро. Он держался простого делового тона, хотя его голос несколько дрожал, как будто отражая телесную хилость человека, из-за чего он старался предавать своей речи несколько насмешливый тон, как будто пытаюсь прикрыть свою слабость.

– Здравствуйте, – ответил человек, достал из кармана плаща измятую бумажку и протянул незнакомцу, – я получил письмо с информацией о работе и меня заинтриговала вакансия.

– О, я рад что вы получили наше известие, – сказал худой господин, тонкими кривыми пальцами, похожими на лапки раздавленного паука, неуклюже развернул бумажку и пробежал по ней взглядом, – будьте добры предъявить документы. Это, конечно же, сушая формальность, но всё же стоит всё делать по правилам.

Человек спокойно подал ему свои документы.

– Александр Иванович Смирнов? – прочёл господин с вопросительной ноткой. Человек одобрительно кивнул.

– М-да, документы конечно же липа, но должен отметить, что сделаны довольно искусно. С полицией проблем не было? – господин оторвался от бумажки и взглянул на Смир-

нова.

– Нет, – ответил Александр Иванович.

– В них сомневаться не приходится. Ну, полагаю, мою горничную вы уже видели, поэтому должны понимать сорт нашего коллектива, – господин отложил документы и удобнее устроился в кресле, – ко мне обращаться герр Вёрфлюхт. Долли ты уже знаешь, с Псом и Грэгом познакомишься позже. Правда Грэг?

Из-за спины зрителя кладбища раздалось низкое горланное мычание. Смирнов поёжился. Герр Вёрфлюхт позволил себе ухмыльнуться чуть сильнее обычного.

– Работа не приятная. Плачу мало. Мои приказы выполнять беспрекословно. Зато в этом Богом забытом месте можно быть спокойным за свою конфиденциальность. Плюс проживание и еда за счёт заведения. Так вы согласны, человек с чужим именем? – он протянул ему свою тонкую, похожую на кривую ветку чахлого дерева руку и ещё шире улыбнулся, показывая свои поломанные зубы. Человек с чужим именем цокнул языком, с горечью вспоминая свои прошлые сделки, вздохнул и крепко, с хрустом, пожал руку Вёрфлюхту. Герр расплывался в мерзкой улыбке, а человек сжимал ему руку всё сильнее, всё яростнее, как будто пытаясь разломать её. Он видел перед собой только эту ублюдскую улыбку.

И застыли бы они в таком положении на вечно, если бы в глубине комнаты что-то не рухнуло.

– Осторожнее Грэг, – опомнился герр Вёрфлюхт. Ему

вновь ответило жуткое мычание. Человек вернулся в настоящее и отпустил руку герра.

– Ты, вероятно, устал после долгой дороги. Можешь пока отдохнуть. Приступишь к работе завтра с утра, – сказал герр Вёрфлюхт, вернувшись в своё привычное состояние, – Долли!

В кабинет вошла женщина в маске.

– Долли, расстели нашему новому работнику и дай ему поесть.

Женщина послушно кивнула и тут же ушла выполнять свою работу. Смирнов подхватил свой саквояж и последовал за ней. На выходе герр Вёрфлюхт сказал ему:

– Ночью, чтобы ни случилось, никогда, ни в коем случае, не открывай двери или окна. Спокойных снов.

Смирнова расположили в столовой, она же по совместительству была и кухней. Тут не было кровати, поэтому ему постелили на шкуре огромного медведя. В данном случае «постелили» значит, что Долли положила на шкуру зверя подушку и одеяло.

Смирнов уселся за длинный обеденный стол, во главе которого стояло мягкое кресло. Долли подала Александру Ивановичу миску с кашей.

– Спасибо, – Смирнов с жадность принялся за еду. Долли кивнула и тихо вышла из столовой, закрыв за собой дверь. Доев, Смирнов содрал с себя грязную одежду и, спрятав под подушку нож, заснул.

Посреди ночи его разбудил какой-то громкий звук. Ещё не понимая, что происходит, он обнажил нож и прислушался. Кто-то яростно колотил во входную дверь. В доме всё было тихо. Бытие молчало, только двери что-то не нравились, и она глухим стуком монотонно повторяла: «От-крой, от-крой, от-крой, от-крой...». Почти две минуты он лежал и прислушивался к глухому приказу двери. Но, как это обычно и бывает, стук прекратился так же внезапно, как и объявился. Тишина вновь обрушилась на старый дом, смыв все следы каких-либо звуков. Сама мысль о том, что тут могли бы родиться звуки, казалось глупой. Как будто если бы человек даже попытался крикнуть, то из темноты высунулась бы рука и залезла ему в глотку, чтобы ещё в чреве придушить не родившийся звук.

Человек долго лежал с ножом в руке, вслушиваясь в тишину, вглядываясь в темноту, словно пытаясь настолько наострить на них свои органы чувств, чтобы слиться с ними и превратиться в ничто, в отсутствие звук, в отсутствие света, в отсутствие человека.

– ОТКРОЙТЕ! – хриплый истошный вопль разорвал тишину и тут же исчез. И вновь ничего не осталось.

– ОТКРОЙТЕ! ОТКРОЙТЕ! ОТКРОЙТЕ! – хрипел кто-то за окном. Кто-то кричал и кричал, а тишина всё накатывала и накатывала, и с каждым разом его крик становился всё громче и громче, а тишина после него – всё глуше и глуше. Человек с ножом тихо поднялся, подкрался к окну, и лезви-

ем отодвинул штору в сторону. Он держался на расстоянии руки от окна, чтобы его было сложнее увидеть с улицы. Под окном стояла тёмная фигура и смотрела на него.

Мгновение. Вспышка света. Грязное, гнилое, уже пожранное червями лицо смотрит на него. Грохот. Фигура падает. Кто-то схватил его за шкурку и куда-то поволок. Ему что-то орут. Где-то загремели выстрелы, где-то застрекотали пули. А он вцепился в свой револьвер и думает: «Кого же я убил? Кого же я убил?!»

Глава

I

Утро на кладбище было тихим и светлым, как надежды на посмертную жизнь. Герр Вёрфлюхт сидел во главе стола и аккуратно отчищал варёное яйцо, чтобы, не дай Бог, ему в глотку не попал кусочек скорлупы. Смирнов ел кашу на другом краю стола. Долли чем-то занималась на своей маленькой кухоньке.

– Долли, отнеси остатки каши Грэгу, – сказал герр Вёрфлюхт, доев своё яйцо, это было не сложно, учитывая, что большую его часть он снял вместе со скорлупой. Женщина поднесла ему чашку кофе, забрала миску у Смирнова и послушно понесла небольшую кастрюльку в кабинет администратора.

– Иди помоги Псу. Он в сарае. Он тебе скажет, что делать, – приказал герр Вёрфлюхт своему новому работнику и осторожно, испытывая мучения из-за изломанных пальцев,

пригубил кофе. Смирнов кивнул и пошёл безропотно выполнять свою работу.

Открыв штук пятнадцать различных щеколд, замков, крючков, цепочек и прочих средств запираения входной двери, он вошёл в кладбищенское утро. Маки цвели, верёвки на старой иве тихо качались в такт ветру, пара ворон сидела на ограде, в тени деревьев молчали могилы. Всё было как обычно. Но Смирнова не интересовал общий антураж кладбища. Внимательно осматривая территорию, он заметил следы, которые сохранила бесплодная кладбищенская земля. Это могло быть маленьким доказательством ночного происшествия. Ни герр Вёрфлюхт, ни Долли не сказали ни слова о ночном происшествии. Смирнов обошёл дом и встал под окнами столовой. Примерно здесь ночью была таинственная жертва. Теперь на её месте были отчеканены следы. Они рассказали Смирнову о том, что тут была драка, и один из двух её участников проиграл. Его потащили за дом.

Следы взяли Смирнов за руку и указали на курящего перед косым сараем старика. Человек с чужим именем заметил у него старый револьвер, который был демонстративно засунут за пояс. На стариковских костях, переживших многочисленные переломы и потому сросшихся в некоторых местах неправильно, была натянута почерневшая кожа, которую прикрывали лохмотья. Вместо бороды, усов или какой-либо причёски у него из головы торчало несколько клочков волос. Сквозь клубы дыма, его чёрные, как будто без радужки, гла-

за напрыгнули на Смирнова.

– Так, ты у нас новенький? – прохрипел старик.

– Да. А, вы, я полагаю, господин Пёс? – поинтересовался Смирнов.

Старик ещё раз затянулся сигаретой, затушил её об сапог, поднялся и зарычал:

– Ты меня псиной назвал? Ах ты мелкий сучёныш! Я тебя убью!

Он вытащил револьвер. Человек с чужим именем пинком выбил у него из рук оружие, прижал его к стене, подставил нож к горлу и ровным голосом процедил:

– Будешь мне угрожать – убью.

Пёс проскулил что-то невнятное, и человек отпустил его. Смирнов поднял револьвер.

– Откуда он у тебя? Такое оружие сняли с производства лет десять назад, – сказал он, осматривая оружие.

– С трупа снял, – ответил Пёс без задней мысли и протянул руку. Смирнов смерил его взглядом.

– Мне чё, к хозяину идти, чтоб ты вернул мой револьвер? – возмутился Пёс. Смирнов вздохнул, вытряс все патроны на землю и вернул оружие старику. Пёс выругался и стал подбирать боеприпасы.

– Герр сказал, что тебе нужна помощь, – Смирнов перешёл к делу.

– О, конечно, – Пёс бросил патроны и юркнул в сарай. Он вышвырнул оттуда две лопаты.

– Будешь могилу перекапывать, – сказал старик и деловито пошёл к могилам. Смирнов подхватил лопаты и последовал за ним. Пёс, поминутно принюхиваясь, привёл его к не докопанной могиле. Старик улёгся на землю и показал на могилу:

– Копай.

Работа пошла неплохо. Лопата была привыкшая, и земля с удовольствием расходилась перед ней, только Смирнов был без сноровки в могильном деле. Пёс постоянно на него покрикивал:

– Куда прёшь-то? Ну куда прёшь? Ни черта не выкопаешь, только устанешь. И не маши так! Ты меня засыпаешь. Чего такой резкий-то?

Он нежно погладил почву под собой.

– С землёй надо нежно. Она добрая. Она всех любит. Она и уродливые корни обнимет, и червей обнимет, и наши гнилые тела обнимет, – Пёс поцеловал землю.

Смирнов тихо матерился себе под нос. Ни тяжёлая работа, ни странности коллеги ему были не по душе. Через какое-то время он докопался до гроба.

– Крышка гроба пробита, – скорее от удивления, чем от желания проинформировать Пса сказал Смирнов

– Естественно он её пробил, как бы он иначе вылез отсюда? – ответил старик раздражённо, словно ему приходится объясняя почему два плюс два – четыре. Смирнов бросил работу и устался на Пса.

– Ну чего ещё, новенький?! – воскликнул Пёс, как будто Смирнов его уже час доставал нелепыми вопросами.

– Кто вылез? – абсолютно серьёзна спросил Александр Иванович.

– Мертвец, – ответил старик

– Мертвец? – переспросил Смирнов.

– Мертвец, – подтвердил Пёс.

– Ты же понимаешь, что твой ответ ничего не объясняет? – сказал Смирнов.

– Ну, а ты что думаешь, мертвецам нравится под землёй лежать? Может, им тоже хочется топтаться под солнцем и людям покоя не давать, вот они и лезут из могил, – старик встал и отряхнулся, – всё хватит болтать, надо место для трупа освободить.

Они еле как достали гроб из могилы и потащили его в сарай. Руки, как и всё тело, у Смирнова ужасно болели. Он не привык к такой работе. Его ежедневными физическими усилиями в последнее время были только быстрые резкие взгляды, тихий кроткий бег, сковывание мышц лица в невозмутимую маску обывателя и страх. Теперь же казалось, что сами кости дрожат от усталости под мясом. Смирнов думал только об одном, как можно скорее избавиться от ноши.

– Да брат, так мы нашего беглеца в землю не унесём, – покачал головой Пёс, глядя на его мучения. Мимо них прошла Долли.

– О, а у меня мысль. Эй, милашка! – окликнул её Пёс, при

этом они остановились, и Смирнов стал ощущать, как будто гроб начал прибавлять в весе.

– Иди нахер, – монотонным голосом отозвалась Долли, развешивая бельё.

– Ну не обижайся ты, дорогуша, – заискивающе сказал Пёс, и попытался подобраться к женщине поближе, пытаясь потереться об неё своей грязной мордой, при этом он всё так же держал гроб. Долли увернулась от старика и всё так же без эмоционально заметила:

– Испачкаешь бельё – герр будет злиться.

– Милашка, будь добра, позови Грэга, пусть поможет нам дотащить блудливого, – попросил Пёс, и улыбнулся, обнажив свои редкие жёлтые зубы.

– Ладно, если тронешь бельё – прибью, – ответила Долли и ушла в дом.

– Ну и уродина же она, правда? – сказал Пёс, когда женщина пропала за дверью.

– Я всё слышала, – раздалось из-за двери без тени негодования.

– Мы донесём этот грёбаный гроб или нет? – прошипел Смирнов.

– Ой, какой ты у нас неженка, – покачал головой Пёс.

Они дотащили гроб в сарай и швырнули его на пол. В этом косом здании лежала куча сена, дрова, инструменты валялись то там, то тут, в углу стояло несколько надгробий ещё без имён, в другом углу расположилась грязная прегряз-

ная буржуйка, около выхода несколько гробов были свалены друг на друга. Под ноги Смирнову постоянно попадались то бутылки, то кости, то просто какой-то мусор. Пёс уселся на гроб достал сигарету и закурил.

– Хошь? – Пёс протянул ему пачку. Смирнов взял одну, закурил, уселся на гроб, который они только что принесли. Дымок безропотно пошёл к грязному потолку сарая, полному сажи и паутины. Пепел также безропотно полетел на грязный пол сарая. Пара искр последовала за ним. Пса и Смирнова ничуть не волновал тот факт, что, если бы искры попали на сухую солому, то сарай бы вспыхнул как спичка.

– Ну, всё, дорогой, нагулялся. Теперь в родную могилку вернёшься, – Пёс похлопал гроб по крышке. В ответ, кто-то забарабанил по крышке гроба изнутри.

– Да заткнись ты! Заткнись! – заорал Пёс и стал пинать гроб. Смирнов от удивления чуть не выронил сигарету.

– Твою мать, – тихо выругался он и ещё сильнее прильнул куреву, пытаясь вместе с дымом, высосать из неё хоть каплю спокойствия. Вдруг в сарае стало темнее. Смирнов резко бросил взгляд на выход из помещения, одной рукой он ещё придерживал окурок, но другая уже нащупала рукоять топорика. В дверной проём влезло нечто здоровое. Оно на четвереньках вошло в сарай, всем своим телом закрывая свет.

– Грэг! – радостно воскликнул Пёс, – а мы тебя ждали. Будь другом, отнеси блудливого к могилке.

Существо неуклюже взвалило себе на спину гроб и, чуть

не разломав дверной проход, вылезло наружу. Пёс радостный побежал за ним. Смирнов, быстро докурив сигарету, так же вышел из сарая.

На свету Грэг оказался не таким монструозным, каким его можно было представить. Он был два метра ростом, несмотря на то, что постоянно горбился. Его руки были настолько длинными, что кончиками пальцев, он почти доставал до земли, ноги ничуть не уступали в длине рукам, а туловище было комично маленьким. Кисти и ступни были непропорционально большими, и казалось, что их отрезали от какого-то великана и пришили ему. Череп Грэга, обтянутый бледной покрытой какими-то пятнами кожей, занял бы почётное место в какой-нибудь антропологическом музее. Его челюсть была в два раза больше лба. Лицо постепенно сужалось к скулам, а потом переходила почти в идеальный полукруг, из-за чего его череп напоминал замочную скважину. Кончик его маленького носа был сильно задран в верх, из-за чего казалось, что вместо носа у него просто две дырки в лице. Маленькие серенькие глазки тупо пялились из-под его массивных бровей. Ушные раковины были так плотно прижаты к черепу, как будто пытались залезть внутрь головы. Его лысую голову украшал маленький фетровый котелок с голубым бантиком. Что-то было жуткое в несоответствии между головным убором и самой головой, глядя на Грэга в этом котелке, представлялось, как этот верзила размазывает голову маленького мальчика об стенку, а потом легонько до-

стаёт своими здоровыми пальцами этот маленький котелок из кровавой луж и торжественно водружает его себе на голову. Костюм Грэга был весь покрыт постоянно рвущимися заплатками, и при каждом движении верзилы он тоскливо скрипел, терзаемым болью от нахождения на этом странном теле.

Грэг скинул гроб около раскопанной могилы. К счастью, крышка гроба не слетела благодаря десятку гвоздей, которые Пёс с любовью вбил в неё, дабы никто не смог сбежать из гроба.

– Спасибо Грэг! – крикнул вслед верзиле Пёс. Старик и Смирнов погрузили гроб в могилу.

– Ну всё, браток, добегался! – радостно оскалился Пёс и крикнул напарнику, – засыпай голубка!

Смирнов через боль и усталость принялся засыпать могилу. Пёс уселся на краешек ямы и радостно наблюдал за тем, как гроб пропадает под землей. Кто-то в отчаянии бился об крышку гроба, пытаясь выбраться. Когда земля наполнила полость в земле, Смирнов в изнеможении отшвырнул лопату. Его всего ломало, с непривычки он стёр руки в кровь.

– М-да, ты и правда неженка, – покачал головой Пёс, собирая весь их погребальный инвентарь, – пошли, давно пора обедать.

Смирнов доковылял до дома, еле как поднялся по лестнице и упал на скамью. Пёс уселся рядом и задорно крикнул Долли, которая убиралась на кухне:

– Милашка, принеси-ка нам харчей, да понаваристей!

– Если герр тебя увидит за столом, то даст по лицу, – сказала Долли, наливая им какой-то суп.

– Мне хотя бы есть чем рисковать, – огрызнулся старик, показывая на свою морду.

– На твоём месте я бы радовалась, если бы мне лицо разбили, – ответила Долли, обрабатывая раны на руках Смирнова.

– Тьфу, уродина! – фыркнул старик и так насел на суп, что только брызги в стороны полетели.

– У меня хотя бы волосы, похожи на волосы, – заметила Долли смотря на грязнущие пучки, торчащие из головы Пса. Старик хотел что-то ответить, но его прервал появившийся Вёрфлюхт:

– Пёс, можешь объяснить мне, почему ты решил сесть за стол?

Старик покорно опустил голову. Герр, тяжело опираясь на свою трость, подковылял к столу, опёрся на него, перехватил трость и ударил Пса по голове. Старик тихо заскулил, стараясь руками придержать открывшуюся рану, чтобы кровь ничего не запачкала.

– На пол! – приказал герр. Пёс схватил суп и сполз со скамейки.

– Раз не можешь есть, как человек, жри, как животное! – процедил герр. Он ещё несколько секунду с ненавистью смотрел на старика, тяжело выдохнул и сел на своё законное

место. Пёс смотрел в пол.

– Отнеси еду Грэгу, – бросил герр Долли и принялся за еду, стараясь не замечать Пса. Долли положила Псу в руку два кусочка колбасы и понесла кастрюлю с остатками супа. Старик быстро доел суп, поставил тарелку на место, тихонько подполз к герру и незаметно подложил ему свои два кусочка колбасы. Затем он вытер об себя руки и уполз из кухни.

Доев, герр аккуратно вытер губы, правда платок случайно выпал из его пальцев прямо в тарелку. Герр вздохнул и отдал несколько распоряжений Смирнову. Тот выслушал начальника и хотел уже задать пару вопросов, но решил, что не стоит. Он встал из-за стола и направился к выходу, но герр сказал ему:

– Вы хорошо работаете. Я думал, что с вами будет больше хлопот.

– Я привык не задавать лишних вопросов, – ответил Смирнов, – но мне хотелось бы знать, есть ли какая-то информация, которую мне следует принять к сведению? Для более эффективной работы, конечно же.

– Пёс в чём-то прав, по крайней мере про мертвецов, в этом он хорошо разбирается, – ответил герр.

– Понятно, – мрачно сказал Смирнов и пошёл выполнять поручения. Их было не так много. Он порубил дрова, затопил баню, пристроенную к дому. Затем он осмотрел кладбище, надо было почистить пару могил, убрать кое-где заросшую траву. Могилы терпели его присутствие, но из-за

каждого дерева, из каждой тени, из-за каждого надгробия на него кто-то глядел. И хотя он не мог никого заметить, он кожей чувствовал неприятные ожоги чьих-то взглядов. В очередной раз он убедился, что кладбище слишком большое. До заката он успел осмотреть лишь малую часть. Смирнов уже хотел идти домой, как вдруг, его окликнул Пёс:

– Ну, новенький, что заключила ревизия?

– Ничего интересного, – ответил Смирнов. Он слишком устал, чтобы ещё терпеть общение с Псом.

– Это радует, интересное нам тут не к чему, – отозвался Пёс.

Смирнов что-то пробурчал в ответ и ушёл отчитаться перед герром. После этого Александр Иванович пошёл опробовать местную баню, не зря же он всё-таки её топил. Баня была очень маленькой, но уютной и чистенькой, видимо ею заведовала Долли. Смирнов смыл с себя всю дневную грязь, хотел бы он смыть с себя нечто большее, но, к сожалению, не смог. Как бы то ни было, смочить старые раны было приятно.

Он вышел в предбанник и почувствовал запах табака, краем глаза он увидел огонёк в тёмном предбаннике. Человек с чужим именем запахнулся полотенцем, зажёл лампу, взял нож и швырнул его в сторону огонька.

– Ай! – Пёс выронил сигарету и упал в свет лампы, а нож воткнулся в стену.

– Ты меня убить мог! – возмутился старик.

– Не надо за мной следить, – ответил человек, вытаскивая

нож из стены, – хочешь мыться – иди, но нечего прятаться в тенях.

– Мыться? Ещё чего не хватало! – фыркнул Пёс и, нашарив выпавшую сигарету, продолжил курить.

– Тогда иди отсюда, – Смирнов отвернулся от старика и стал неспешно одеваться. Пёс с любопытством рассматривал шрамы на его теле. Старик встал, проверил револьвер и перед тем как уйти сказал:

– Знаешь, новенький, а я понял почему ты к нам попал.

Человек повернулся к старику лицом. Пёс почти вышел из света фонаря, и из тьмы выглядывала только его морда.

– Ты к нам сбежал от смерти. Спрятаться прямо у её порога – хитро, хитро. Но ты ошибся. От смерти не спрячешься. Она – слепая дура, но ой какая длиннорукая. Она сотню лишних в могилу затащит, но тебя всё равно достанет, – старик ухмыльнулся и ушёл во тьму.

Смирнов поднялся на второй этаж. Он настолько устал, что его уже ничего не волновало. Он лёг на шкуру медведя, закрылся чистым одеялом и заснул. Пёс, Долли. Грэг, Вёрфлюхт, надгробия, гробы, могилы, мертвецы, крики, выстрелы, взрывы – всё стало таким не важным. Да какая разница, что там в ночи? Какая разница, что там в прошлом? Он устал, и всё, что ему нужно – это вытащить из сна как можно больше сил.

За завтраком герр Вёрфлюхт объявил:

– У нас сегодня похороны, вскоре должны принести труп.

Долли, измеришь его и пойдёшь к Прохорову, пусть он гроб подбирает, а ты, тем временем, приведёшь тело в порядок.

– А вы, подготовьте могилу. – он показал на Пса и Смирнова, потом около минуты своими кривыми пальцами пытался достать деньги из внутреннего кармана пиджака, но у него это так и не вышло. Долли, не говоря ни слова, вытащила деньги и передала их Смирнову. Герр, тяжело вздохнув, сказал:

– Это для ямщика. Он уже должен был привезти тело и ждёт вас у перекрёстка. Встретьте его, заплатите за доставку и принесите труп.

Доев, Пёс, Смирнов и Грэг пошли встречать ямщика с телом. Воротам не нравилось, что троица покидает кладбище, даже на пару минут. Они ворчливо поскрипывали, давая троице пройти. Работники кладбища вышли на перекрёсток, где остановился ямщик. Мужик пытался успокоить свою лошадь, над ним посмеивались вороны, издевательски покрикивая:

– Никогда! Никогда!

– Ионя, ну чё, клиентик наш у тебя? – Пёс дружески хлопал ямщика. Иоан сжался от одного вида Грэга и Пса, а когда старик его тронул, мужик вообще попытался превратиться в точку. Он улыбнулся такой улыбкой, которая кричала: «Боже, пожалуйста, во имя всего света, не губите душу, люди добрые! Молю вас!»

– Да, да. Труп у меня. Знаете, а он хороший пассажир, ти-

хий, – ямщик нервно засмеялся. Пёс заржал во всю глотку. Ямщику стало ещё страшнее. Он умоляющее посмотрел на Смирнова. Александр Иванович пожал плечами, залез в телегу и вытащил тело. Оно было завернуто в какой-то большой кусок ткани, возможно простын, и обвязано верёвкой. Смирнов отдал тело Грэгу и подошёл к ямщику. Пёс, хохоча, уже обнимал его:

– Ну ты, браток, конечно, шутник!

Ямщик посмотрел на Смирнова и ни говоря ни слова, одними губами прошептал:

– Спасите!

– Спасибо за доставку, – Смирнов всучил ему деньги, и благодарный ямщик юркнул на свою телегу и погнал лошадь в деревню. Троица секунду смотрела ему вслед, а ворона насмешливо крикнула им:

– Никогда!

– Отнеси его в погреб, будь другом, – Пёс похлопал Грэга по плечу. Здоровяк, ни сказав ни слова, пошёл в дом.

– Хороший он мужик. Такой... молчаливый, – сказал Пёс, когда Грэг ушёл достаточно далеко. Смирнов пошёл к сараю за лопатами.

– Вот только характер у него, конечно... – недоговорил Пёс, чтобы придать своим словам большей таинственности. Смирнов молча шёл, не обращая внимания на старика.

– Говорят, он пятнадцать человек грохнул, а знаешь как? – Пёс, наклонился к Смирнову и заглянул ему в глаза, как буд-

то пытался влезть в них. Глаза Александра Ивановича краше любых слов говорили: «Мне плевать.»

– Они его оскорбили, а он им челюсти оторвал голыми руками. А потом его поймали, но не полиция, его местные схватили и закопали заживо. А хозяин откапал это сокровище! – Пёс улыбался во всю морду. Смирнов ничего ему не ответил, но бросил быстрый взгляд в сторону исчезнувшего за дверью дома Грэга.

Смирнов собрал лопаты, и Пёс повёл его к месту захоронения. Они некоторое время бродили между могил, ища подходящее место. Старик принюхивался, постоянно осматривался, припадал к земле и пробовал её на вкус. В конце концов они нашли хорошее местечко рядом с молоденькой сосной. Она была ничуть не против компании, поэтому спокойно позволила Смирнову и Псу раскопать могилку, не суя свои корни им под лопаты.

Смирнов, еле шевеля конечностями, потащился к сараю. Каждое движение отдавалось болью по всему телу. Пёс, довольный работой, с удовольствием таща лопаты, шёл рядом с ним. У сарая их встретила Долли.

– Идите к Прохорову, заберите у него гроб, – сказала она им вместо приветствия.

– Денех нам дай, или ты, дура, думаешь, что он нам гнёздышко для клиента просто так отдаст? – возмутился Пёс.

– Я уже заплатила, – ответила ему Долли, уже идя домой, – иначе я бы отдала вам деньги. Хотя я, конечно, не настолько

умна, чтобы тащить обратно в сарай лопаты, когда они вскоре понадобятся, чтобы закопать могилу.

Пёс скинул лопаты перед сараем, перевёл недоумевающий взгляд с Долли на Смирнова и озадаченно спросил:

– Это она меня так оскорбила?

– Ага, – равнодушно ответил Смирнов, – как мы гроб будем нести? У меня на это сил не хватит.

– Вот, сука! – Пёс плюнул в сторону Долли, и вонючая слюна мерзкой каплей повисла на его языке, а затем упала на усы старика.

– Как гроб нести будем? – ещё раз спросил Смирнов.

– Так мы его на тачку поставим, – ответил Пёс. Он залез в свой сарай и вытащил оттуда старую тачку. Он закинул в неё верёвку и потащился к воротам. Смирнов плёлся за ним. Когда они проходили мимо старой ивы, старик весело дёрнул за петлю, висящую рядом с оборванной верёвкой.

– О, новенький, а ты знаешь откуда здесь эти верёвки? – сказал Пёс с таким радостным тоном, что Смирнову сразу стало понятно, что на самом деле его мнения не спрашивают.

– Это Долли оставила тут со своим другом, – Пёс мерзко лыбился на Смирнова, ожидая от него какой-то реакции. Смирнов только чуть поднял бровь, но этого старику было достаточно, и он продолжил с ещё большим энтузиазмом:

– Она с каким-то парнем сбежала сюда вешаться. Они хотели вместе концы отдать, но она в последний момент забоялась, и пацан в одиночку помер! – Пёс залился смехом, – Ты

представляешь, что это был за идиот? Влюбился в уродину, так она его ещё и кинула. А уродка не промах, это ж надо было устроить! Обман века.

– А почему верёвки не сняли? – поинтересовался Смирнов.

– Так их и сняли. Эти я повесил, – гордо заявил Пёс, – и причём одну специально оборванную, шоб для символизма было. Их, правда, опять сняли, но так я ещё раз повесил. Они ещё раз сняли, а я снова повесил. Ну, они потом плюнули на это дело, а я не плюнул. Я этой уродине в самую душу харкнул!

Смирнов отвернулся от Пса, и всю дорогу они шли молча. В принципе, дорога их была не долгой. Они дошли до перекрёстка и свернули на право. Дорога завела их в лес, немного поводила там, играя в волшебную тропку из эльфийского леса, и привела к обнесённому красочным забором и весёлыми деревянными медвежатами домом. Во дворе стояла куча качелей, горок, резных статуй и деревянные дети. С молчаливыми ребятами разговаривал какой-то низкий паренёк, едва младше Смирнова. Его тело было на удивление ладно вытесано из плоти твёрдой породы. Лицо его было вырезано с большим искусством. Над ним висела стружка курчавых волос. Единственным недочётом в этой работе был очень длинный нос, по-видимому мастер пытался выстругать его из ветки, но умения не хватило, чтобы придать носу достойную форму.

– Здорово, Прохор! – крикнул человеку Пёс, открыл ка-

литку и без спросу покатился по вымощенной досками дорожке к большому сараю.

– И вам, добрый день, – прокряхтел Прохоров. Каждый раз, когда он вытаскивал из своего рта звуки, казалось, что у него внутри что-то доламывается. Пёс уже подкатил к большому сараю. Его крыша была украшена резным коньком, на торчащих срубах брёвен были вырезаны улыбки. Сарай во всех своих проявлениях был настолько лучше самого дома гробовщика, что можно было подумать, что это желая часть была пристройкой к нему. Рядом с сараем расположился богатый дровяник, в котором деревяшки лежали словно куча золота в сокровищнице дракона.

– Проходите, – Прохор распахнул перед ними ворота сарая и показал на один из гробов, – вот ваш.

– Спасибо, Проха. Как всегда, всё сверх прилично! – Пёс радостно взялся за простенький, но ладно сделанный гроб, и сказал Смирнову, – чё стоишь, подсоби-ка.

– О, господин, вы всегда так любезны. Если хотите, я могу и для вас гроб сделать, хоть завтра, – ответил тронутый Прохор.

– Проха, если кто-то другой попробует мне гроб сделать вместо тебя, я из могилы встану и перегрызу ублюдку глотку! Но и ты меня пойми, если ты завтра для меня гроб состряпаешь, так он же ждать меня будет, скучать будет, а это не дело, – пояснил Пёс, оставив всю работу с гробом на Смирнова.

– Так вы можете в нём спать, – ответил гробовщик, – так он по вам скучать не будет, и вы к нему привыкните. Я всегда говорил, что ещё при жизни нужно налаживать хорошую связь со своим гробом, а то в нём же потом целую вечность лежать. Гроб, он ближе матери!

– Проха! – радостно крикнул Пёс и бросился лизать гробовщику морду, – так ты же гений просто! Всё, решено, делай гроб мне! Я буду в нём спать, и так простым сном, приготавливаю себя и его ко сну вечному!

– Ну вот и замечательно, – Прохор с отвращением оттолкнул от себя Пса, – я готов вас измерять.

– Спасибо большое, но нам надо работать, – вмешался Смирнов, который уже сам поставил гроб на тачку, и, схватив Пса за шкуру, добавил, – иначе герр будет очень недоволен.

– Да, с этим не поспоришь, – ответил Пёс и запрягся в тачку, – ну Проха, бывай брат. Работа не невеста, ждать не будет. Потом уж сочтёмся.

Гробовщик, не без горести, но согласился с ним и пошёл дальше разговаривать с ребятами, которые не убегут от него в лес, а работники кладбища отправились домой.

Тачка весело скрипела под гробом и от радости подпрыгивала на каждой кочке.

– Видишь, даже тачка рада гробу. Значит хорошо, что клиент наш помер. Он и нам работу дал, и Прохе, и хозяину, и вообще, ну если бы он был жив, разве был бы он на столько

же полезен? Сомневаюсь, – рассуждал Пёс, пока они шли. На крыльце дома сидел Грэг и таращился на землю, ожидая, когда она набросится на него.

– Грэг, дружище, а мы гроб привезли. Будь другом, принеси клиента, а то не правильно это, что гроб лежит пустой. Сам знаешь, порой посмотришь на пустой гроб, и на сердце тревожно становится, хочется уже самому в него лечь, лишь бы он только не пустовал, бедненький... – продолжал Пёс свою тираду, но Грэг уже ушёл за телом и успел вернуться, а с ним и Долли. Они положили труп в гроб.

Мертвец был маленький мужиком, диковатого вида, с грубыми чертами лица, которые от гримасы предсмертной агонии стали ещё хуже. Его лоб украшала аккуратна дыра, в которой к тому же немного покопались, чтобы извлечь пулю. Долли положила кухонный нож в ноги мертвеца.

– Ты зачем кухонными инструментами соришь? – тут же укорил её Пёс.

– Он степняк, а у них принято хоронить вместе с телом нож, – пояснила Долли.

– С кухонным? А они что, так сильно в своей степи любят готовить? Ха-ха! – Пёс заржал сверх всякой меры, в то время как все остальные оставались абсолютно серьёзными.

– Другого у меня не было, если у тебя есть нормальный нож, можешь сам его положить, – пояснила Долли.

– А у меня ножа нет, – отозвался Пёс, утирая слёзы.

– Даже в этом ты умудряешься быть хуже трупа, – пока-

чала головой женщина.

– Ну ладно, хватит лясы точить. Грэг, отнеси его к могиле, пожалуйста, – попросил Пёс. Смирнов и старик прикрыли гроб крышкой, и Грэг потащил его. Он оставил его не далеко от края могилы, стараясь не смотреть в чрево ямы. Пёс и Смирнов опустили гроб в могилу под тихую молитву Долли. Грэг сделал ещё пару шагов назад и издалека смотрел на тройку работников кладбища. Те встали у края могилы. Пёс снял свою дырявую шляпу и прижал её к сердцу.

– Надо сказать пару слов на прощание, – сказал старик, – новенький, говори.

– Эмм, – Смирнов неуверенно посмотрел на гроб, – а кем он был?

– Бандитом, он случайно наткнулся на патрульных и те его застрелили, -сказала Долли.

– Ну, – сконфузился Смирнов, он огляделся по сторонам, ища вокруг слова для прощания, но наткнулся лишь на ожидающую морду Пса и без эмоциональную маску Долли, – он был хорошим... бандитом... Хотя, учитывая, что он просто напоролся на патрульных, и те его убили, навряд ли он был хорош. Так что, эм... знаете, о мёртвых либо хорошо, либо ничего, поэтому давайте его просто закопаем.

– Золотые слова, – ответил Пёс и кинул на гроб горсть земли. Они зарыли могилу, и Грэг установил на ней хилый крест, похожий на человека, который просит убить его. Пёс взял у Смирнова нож, чтобы вырезать на кресте имя умер-

шего и годы жизни и спросил:

– А когда он родился и как его звали?

– Не знаю, у полисменов этой информации не было, – ответила Долли.

– Так и напишем: «не знаем», – ответил Пёс, – вот и всё, работа готова.

Их троица пошла обедать. После еды герр, пытаясь аккуратно взять чашку кофе, сказал Смирнову:

– Сегодня ты вступаешь в ночную смену, будешь сторожить кладбище. Обычно этим занимается Пёс, но, к сожалению, он не может не спать пять ночей подряд.

Старик виновато упёр взгляд в пол.

– Он тебя проинструктирует. Пока что, можешь отдохнуть, – сказал герр и случайно опрокинул кофе. Чёрный напиток полился на пол, оставляя на столе и полу быстро растекающуюся лужицу. Пёс бросился ко столу и стал вылизывать пол, не давая кофе разбежаться. Герр в ярости пнул старика и заорал:

– Пошёл вон, скотина!

Пёс виновата опустил голову и выполз из столовой. Герр встал из-за стола, и, ковыляя в кабинет, бросил Долли.

– Приберись здесь.

Женщина послушно принялась убирать за Вёрфлюхтом. Смирнов же улёгся на свою шкуру, и, разморившись от еды, заснул, в надежде отоспаться за сон грядущий.

Он проснулся от чувства чьего-то зловонного дыхания у

своей щеки. Он почувствовал, как чьё-то тело склонилось над ним. Он схватил незнакомца и покатился с ним по комнате, попутно доставав из-под подушки нож.

– Да какого чёрта! Это я! Хватит пытаться меня убить! – закричал Пёс.

– Хватит меня провоцировать! – ответил ему Смирнов.

– Хватит орать! Займитесь своей работой! – раздался из-за стены голос герра Вёрфлюхта. Пёс и Смирнов поспешили удалиться из поля слуха начальника.

Старик отдал Смирнову свой револьвер, пару патронов, топор и керосиновую лампу и принялся нравоучать:

– Не все мертвецы вылазят, только самые неугомонные. Они слабы и не поворотливы, потому что гнильцы в них много. Тебе они не ровня, но всё же делов наворотить могут. Револьвер против них, в принципе, бесполезен, я им обычно стараюсь руки да ноги порубать, чтоб не двигались, а револьвер – это так, чисто припугнуть. Всё понял?

Смирнов кивнул.

– Ну новичок, давай покурим перед ночкой, – ухмыльнулся старик и отдал ему сигарету. Они уселись на крыльце и закурили. Где-то ворона крикнула своё насмешливое: «Никогда». Тени от деревьев всё росли и росли, их подговаривали молчаливые надгробия. Тени пытались дотянуться до двух человек, сидящих на крыльце старого дома. Тени хотели схватить их и затянуть в могилы, чтобы люди отдали своё тепло земле, ведь все они обязаны земле, а так бесцеремонно

топчут её, пускай же отдадут ей хоть что-то своё.

Пёс докурил, встал и похлопал по плечу Смирнова:

– Ну, брат, удаче тебе, – и ушёл в дом. Смирнов докурил свою сигарету, за его спиной залязгали десятка закрывающихся замков, которые отделяли его от дома. Он выкинул бычок, солнце свалилось с небосклона, он зажёл лампу и наступила ночь.

Она окрасила всё в оттенки синего и чёрного. Она накинула легкую ткань на кладбище, из-под которой выглядывали очертания мира дневного. Смирнов сидел в маленьком кусочке света и пытался сквозь мрачную вуаль проглядеть что-то, чего за ней быть не должно.

Каждый раз, когда уха человека с чужим именем касался какой-то шорох, какой-то непонятный звук, который рождается в ночи, казалось бы, без причины, человек тут же замирал, пытаясь вновь его уловить, схватиться за него ухом, и держать, не позволять этому звуку просто уйти, после того как он так нагло объявился посреди ночи. Каждый раз, когда человек краем глаза замечал какое-то движение во тьме, он сжимал револьвер по сильнее, и весь превращался в зрение, пытаясь глазами разрезать тьму и найти того, кто его беспокоит. Но если тьма не могла проникнуть за круг света, то ночной холод это делал спокойно. Сначала он залез в уши человека, потом в его нос, потом в пальцы на ногах, потом в пальцы на руках и проникал всё дальше и дальше, пытаясь заполнить его тело.

Человек с чужим именем наконец-то встал и пошёл в ночь. Ему надо было обойти кладбище, проверить, что никто не пытается перелезть через ограду или открыть ворота. Человек пытался идти тихо, стараясь не потревожить ночь, чтобы она забыла о нём. Но как можно забыть о непокорном пятне света, который так нагло шагает сквозь твои владения? Ночь не могла о нём забыть. Тьма пялилась на него и ни на секунду не отводила взгляда. Он чувствовал, что весь мрак вокруг превратился в один большой чёрный глаз, наблюдающий за каждым его шагом. И с каждой минутой своего дежурства, он чувствовал, как что-то нарастает. Ничего вокруг не происходит, но что-то надвигается. Какая-то струна всё натягивается и натягивается, и вот-вот она лопнет. И вдруг луна выглянула из-за тучи и показала ему фигуру, которая пыталась перелезть через ограду. Человек чуть облегчённо вздохнул и стремительно направился к неизвестному.

Этот кто-то увидел его и, спрыгнув с ограды, бросился прочь. Человек побежал за ним. Наконец-то, какое-то действие, он летел по кладбищу, настигая свою цель. Как будто пелена спала, то чего он опасался случилось, и ему стало легче. Он накинулся на свою жертву. Они вместе покатались по кладбищенской земле, лампа выпала из рук человека и чудом не разбилась. В нос ударил затхлый приторный запах гнилой плоти. Человек оттолкнул от себя незнакомца и пополз к лампе. Он схватил её, и из мрака высунулось гнилое лицо с белёсыми выпученными глазами и просипело загроб-

ный голосом:

– Помогите!

Мертвецкие руки потянулись к человеку. Он пнул труп и хаотично задрогал ногами, пытаясь встать. Покойник, пытаясь схватить его, просипел:

– Помогите! Дочка... мне к дочке надо...

Человек без имени выхватил револьвер и направил его на труп, обтянутый тёмной коростой из грязи, кожи и остатков одежды...

И тут выпал снег. Снег падал на грязную кашу под ногами. Вдалеке горела деревня. В утреннем воздухе чувствовался приятный кислый запах пороха с нотками крови. Перед ним на коленях стоял какой-то мужик и, трясаясь от страха, пытался на чужом для себя языке о чём-то умолять его. А он стоял и смотрел на него через мушку револьвера. В его уши лилась эта тарабарщина или мольбы мертвеца... опять какие-то дочки... Скрежет курка... и только бах! Бах! Бах!

Глава

II

Человек с чужим именем забивал гвозди в крышку гроба. Кто-то без конца сипел из него.

– Да заткнись ты уже! – он ударил по крышке гроба молотком.

– Вижу, браток, хороша была ночка, – сказал Пёс, входя в сарай. Смирнов кивнул и забил последний гвоздь. Старик отдал ему сигарету, и они закурили. Позже пришёл Грэг и

унёс гроб. Пёс сам перезахоронил беглеца, а человек с чужим именем сидел на краю могилы и смотрел, как гроб исчезает в земле. А затем день потянулся своим чередом. Завтрак, обед, ужин, короткие пререкания между Долли и Псом, чёткие распоряжения герра, уборка могил, дневной сон и вот опять ночная служба и... ничего.

Абсолютно ничего. Ночь смотрела за ним, за каждым его шагом, за каждым его действием. Звуки то рождались во тьме, то пропадали. Он обошёл кладбище, осмотрел забор, ворота и... ничего. Никто не пытался сбежать, никаких оживших мертвецов не было. Да, на кладбище было жутко, странные кривые фигуры закручивались в невыразимые формы, тянули свои изломанные конечности в разные стороны, но стоило направить на них свет, как они сразу превращались в деревья и надгробья. Ему слышалось, как кто-то ходит во тьме, перебегает от могилы к могиле, прячется за деревьями и надгробиями. Человек подкрался к этому неизвестному, бросился на него и... там никого не было. Утомлённый человек уселся около сарая и закурил, а потом потянулся день.

Еда, Пёс, Долли, герр, осмотр кладбища, сон, сигарета... Всё по кругу. Как и вчера. Может ничего ночью и не было. Ни в кого он не стрелял. Он нашёл могилу, которую перекопал Пёс. Ничего особенного могила как могила. Ну, довольно свежая, и что? Ну как что, это ведь доказательство. Он чётко помнил, как увидел мертвеца, как запихнул его в гроб,

как потом его закопал Пёс. Но этого почему-то было мало, ему хотелось выкопать труп и спросить у него, покидал ли он могилу или нет? Человек вглядывался в имя на могиле, пытаясь в буквах уловить какую-то подсказку, который ему оставил мертвец, но всё без толку. Могила молчала. Пёс хлопал человека по плечу:

– Не переживай, браток, ночка она такая. Это не наша пора. Она какая-то чужая. Всё в ней не так. Она тебя порой так закружит, так завертит, что не обрадуешься. Всё в ней наперекосяк. Но мертвяки, они только в это время гулять могут, ихнее это время, оно им в радость. Луна им светит, только под её светом они ходить могут. Потому что луна – это тоже солнце, только мёртвое, для мёртвых оно. Стало быть, и ночь тоже день, только мёртвый, – объяснял ему Пёс перед третьей ночью.

Смирнов сидел на крыльце и курил. Голова болела ужасно, тело наполнилось тяжестью. Смирнова постоянно клонило в сон, каждый раз, когда он моргал, ему приходилось предпринимать усилие, чтобы разомкнуть веки. И пока он боролся с собственным телом, наступила ночь. В ушах у него гудело так, что он уже не понимал, что ему слышалось, а что было настоящим. Он наклонил голову к земле, потому что сил поднять её у него не было. Он тёр глаза с такой силой, что ещё чуть-чуть, и он выдавит глазные яблоки.

Вдруг из тьмы на край света выступили два сапога. Два чёрных, грязных армейских сапога. Человек с чужим име-

нем в ужасе поднял голову и увидел пустоту. Перед ним был только мрак. Человек опустил взгляд, а сапогов уже не было. Он вздохнул, взял фонарь и пошёл осматривать кладбище.

Всё опять было спокойно, исключая пару случаев, когда Смирнов поскользнулся на ровном месте и чуть не упал, ничего не случилось. Человек провёл усталый взгляд по могилам и заметил незнакомца, который сидел на надгробии и курил. Человек перехватил топор и вдруг услышал какой-то шорох сзади. Он оглянулся и увидел, как кто-то пытается перелезть через забор. Он вновь посмотрел на курящего человека, но его уже не было. Человек бросился к ограде. Мертвец прыгнул на него, пытаясь голыми руками придушить человека. Он вывернулся из рук трупа и тихо сказал:

– Ну наконец-то.

Человек с чужим именем ударил обухом топора мертвеца в грудь. Труп повалился на землю. А затем, человек опустил на него топор один раз, второй, третий, четвёртый... Он бил умело, бил с расчётом, бил так, чтобы обломать мертвецу все конечности. Труп вертелся на земле, что-то орал, но разве важны слова, когда есть кого кромсать? Превратив тело в огрызок, человек поднял его и потащил в сарай. Труп молил о пощаде. Человек с чужим именем засунул его в гроб и заколотил крышку. Труп ещё что-то стонал, а человек только приговаривал:

– Попался беглец! Будешь теперь в земле лежать. И чего тебе не нравится? Земля – это мать наша. Она всех об-

нимает, она всех принимает...

Он забил последний гвоздь и встал как вкопанный. По началу он ни о чём не думал, просто бездумно пялился в пустоту. Затем на него, как валуны, летящие с вершин гор, навалились вопросы: «Что я делаю? Зачем?» Но ответов у него не было. Человек сел посреди сарая и закурил.

Солнце вальяжно поднялось из-за горизонта. Оно говорило: «Я, конечно, не хотело сегодня вставать, но раз вам так надо, чтобы я появилось, то так уж и быть. Но учтите, это только из-за вас.»

Пёс пришёл к человеку с чужим именем в сарай и с ухмылкой сказал:

– Ну, браток, очередной беглец у нас схвачен?

Человек ничего не ответил.

– Да уж, чё то ты совсем не рад находке, – покачал головой Пёс, – слишком гнилой тебе попался что ли?

Человек не отвечал. Грэг уже взял гроб и потащил его на место. Пёс хотел ещё что-то сказать, но вдруг со стороны ворот раздались какие-то крики.

– О, а это работнички явились. Пошли, нам сегодня копать не надо, – улыбнулся Пёс и вышел из сарая. Смирнов не спешно докурил и пошёл вслед за стариком.

Пёс уже шёл вместе с двумя чужаками.

– Знакомься, брат, это Близнецы, они у нас иногда копателями работают, – представил Пёс чужаков.

Близнецы были везунчиками: годы пьянства, болезней,

нищеты и тяжёлой физической работы одинакова изуродовали их, поэтому до сих пор отличить одного от другого было практически не возможно. Единственный кто бы мог их различить – это родная мать, но они и её уже давно пропили.

Близнецы блуждающим взглядом осмотрели Смирнова, переглянулись и один из них сказал:

– Какой-то он странный. Вроде зелёный, а походка бывалая.

– Да, тебе показалось, не бывалая походка, – покачал головой второй.

Пёс похлопал их обоих по плечу и выдал им лопаты. Вся четвёрка направилась к могиле. Близнецы с почтением обошли Грэга и принялись за работу. Дело у них шло ладно. Они весело работали с лопатами, а лопаты весело работали с ними. Вскоре могила была выкопана, Близнецы погрузили в неё гроб и завалили его землёй. Пёс отсчитал им несколько монет, и радостные Близнецы поплелись обратно в посёлок, крича:

– Ну вот, теперь Серый нам водки даст! Уж теперь то он, шельма, не отвертится!

Смирнов подумал, что и ему, может быть, тоже пойдёт на пользу немного выпивки. После сна и лёгкой работы по кладбищу его вера в позитивное влияние алкоголя на организм только увеличилась. Весь вечер у него был свободен. Этой ночью он наконец-то сможет поспать. Он собрал свои жалкие остатки денег и пошёл в посёлок. Ворота, хоть и ворчли-

во скрипнули на него, но всё-таки пропустили. Одна ворона крикнула ему в дорогу:

– Никогда!

Но это уже было скорее дружеское подтрунивание, чем угроза.

Смирнов вошёл в посёлок, его приветствовал лай собак, которые вдруг увидели что-то и бросились догонять ветер. Рядом с дорогой паслась корова, она довольно замычала, говоря: «Ну, здравствуйте, сударь, рада вас видеть. Располагайтесь, у нас всё как обычно. Спокойно, без излишеств, но чем сможем, тем угостим. А вы располагайтесь, у нас всем рады...»

Мимо вновь пронеслись собаки, гонящиеся за ветром, они лаяли: «Мужики, давай, давай! Навались! Щас мы ему покажем! Щас как его догоним! Как догоним, блин!»

Корова замычала со снисхождением: «Веселятся молодые. Вы, на них не смотрите, они у нас шумные. Побесятся да успокоятся. Но вы про них не подумаете. Они ребята славные, просто шепутные...»

Смирнов осмотрелся в поисках людей. В основном все спрятались в своих домах. И правильно, чего глаза друг другу мозолить? Все жилища в посёлки были довольно старыми. Всем им пришлось пережить потерю своих хозяев. Некоторые домишки уже во второй раз потеряли своих жильцов. Теперь брошенные избы смотрели пустыми окнами на сгнившие трупы братьев и сестёр. Домишки уже понадеялись, что

смогли навсегда миновать такой судьбы, но, увы, они ошиблись.

Смирнов заметил девочку, она осталась одна и потому вся была погружена в заботы по дому. Сейчас она несла лукошко с дикой земляникой в свой покосившийся домик, из окон которого открывался неплохой вид на кладбище. Смирнов спросил у неё, где живёт этот Серый.

– Вы, наверное, про дядю Сережу, – отозвалась девочка и показала на двухэтажное здание с выбитым окном, – вот его кабачок.

– Спасибо, – бросил Смирнов и уже направился к заведению, как вдруг девочка схватило его за штанину.

– Дядя, а вы на кладбище работаете? – тихо спросила она.

– Да, – неуверенно ответил Смирнов.

– А вы там моего папу не видели? – ещё тише спросила она.

– Вроде нет, – ещё неуверенней ответил Смирнов.

– Жаль, когда его в гроб положили, он мне сказал, что как только сможет, придёт меня навестить. Столько времени прошло, а папа всё не приходит и не приходит, – объяснила девочка, широко распахнув голубые глазки и смотря прямо в душу Смирнова.

– Просто все ребята уже в лес ушли и меня зовут, а как я в лесу уйду, папу не увидев? – сказала девочка, разводя руками. Работник кладбища не знал, что и ответить.

– Ну ладно дядя, если узнаете что-то про папу, то скажите

мне. До свидания, – попрощалась девочка и весело упрыгала домой. Смирнов заторопился в кабак.

Около входа в заведение лежал какой-то пьяный мужик и одной рукой прижимал табуретку, которой видимо и выбили окно, к своему заду, а другой держал пустую грязную кружку параллельно, прямо и перпендикулярно земле и бубнил:

– Серый... а, Серый... ну плесни немного, ну плесни...

Смирнов прошёл мимо пьяницы и вошёл в кабак. Это было довольно маленькое заведение. Несколько столиков стояли близко друг к другу. Только за одним из них сидела компания местных и что-то обсуждала. За барной стойкой стоял старый мужчина с повязкой на глазу. Грязь и пыль так плотно засели в его коже, что она приняла сероватый оттенок. Седая борода закрывало его испещрённое шрамами и морщинами измученное лицо. Однако его голубой глаз горел ярко, он не посерел, как остальное тело, и не давал всей жизни мужчины посереть окончательно. Мужчина спорил с Близнецами.

– Мы тебе потом заплатим, честно, – уговаривал один.

– Ну, Серый, когда мы тебя обманывали? – поддакивал второй.

– Ой, да когда вы меня не обманывали? – махнул рукой Серый, – вы мне прошлый долг не весь отдали, а теперь ещё один хотите.

– Ну, Серый, ну налей ещё немножечко, ну самую капельку, просто горло смочить, – упрашивал один из Близнецов,

пока второй пытался сделать грустную рожицу.

– Нет и точка, – Серый скрестил руки на груди и стальным голосом сказал, – Дима, Валя, имейте уже совесть. Вы сами себя видели? Надо же иметь хоть немного выдержки! Что это вы тут устроили? Где это видано, чтобы из-за кой-то бутылки два здоровых лба так унижались?! Ну-ка, быстро взяли себя в руки! Выметайтесь отсюда, и чтоб я вас больше здесь не видел!

Близнецы виновато потупили взгляд и отошли от барной стойки.

– Ишь чего удумали, совсем уже от рук отбились, – сказал Серый, обращаясь к стоящему рядом Смирнову, – а вы чего будете?

– Виски, – сказал Смирнов и сел за барную стойку.

– Виски нет, есть пиво, – ответил ему Серый.

– Наливай, – махнул рукой Смирнов. Серый налил ему в большой стакан дешёвое пойло и продолжил, смотря вслед Близнецам.

– Дмитрий и Валентин Червяковы. Совсем от рук отбились. Вы представляете, они сами своих имён уже не помнят. Не могут сказать кто из них Дима, а кто Валя. Ну это что такое?! – возмутился бармен. Смирнов пригубил пиво и аж сморщился. На вкус оно было... скажем так, пить воду из лужи было бы поприятнее чем это пиво.

– Дрянь, да? – с жалостью спросил Серый. Смирнов кивнул.

– Поставки задерживают уже который месяц. Говорят, что в городе ничего не осталось. Чёрт знает, что происходит! У меня только пиво да самогонка остались, – покачал головой Серый, – вот раньше помню служил я на юге... Какое вино там было. Вы бы знали. Нигде такого не делают. Был у меня там один знакомый...

Серый улыбнулся. Он на секунду провалился в свои воспоминания... и разбился там обо что-то. Улыбка исчезла, глаз остекленел, морщины поднялись на лице, подобно волнам вовремя шторма.

– В общем, был знакомый, – проговорил он уже серьёзно. Человек с чужим именем хотел похлопать его по плечу, но решил, что так будет только хуже. Он уставился в свою кружку. На мутной глади пива проступила и его прошло. Он сплюнул и отставил кружку в сторону.

– Давай я тебе налью самогонки, может лучше будет, – Серый убрал кружку с пойлом и налил ему почти такую же мутную самогонку. Вдруг мужик, которого на входе видел Смирнов появился в выбитом окне и закричал:

– Ну Серый! Ну пусти! Ну пожалуйста!

– Иди отсюда! Сколько тебе ещё говорить! – Серый вышел из-за барной стойке и подошёл к окну, – хватит с тебя. Иди домой Муравьёв!

– Я не хочу, пожалуйста, я не хочу домой. Я же удавлюсь. Удавлюсь! Пожалуйста, пусти меня! Ну пусти, пусти! – Муравьёв чуть не плача, топал ножкой и стучал кулачком по

оконной раме, совсем как маленький ребёнок. Все в кабаке стали оглядываться на Муравьёва и хозяина заведения.

– Ну ладно, ладно, проходи, – Серый пустил пьяницу внутрь. Шатаясь, Муравьёв зашёл в кабак, блуждающим взглядом обвёл заведение и остановился как в копаный. Воспоминание ударило его, как молния. Он весь задрожал и зарыдал:

– Серёжа! Братик!

Серый в недоумении приобнял Муравьёва и повёл его к стойке, приговаривая:

– Ну-ну, будет тебе, будет.

Посетители кабака, нежизая быть участниками драмы, быстро покинули заведение. Остался только Смирнов. А Муравьёв всё не унимался:

– Убили! Убили! За что убили! Повесили, брата, единственного брата... Никого у меня нет больше! Никого! Один я остался! Один! За что, Боже, за что!

Серый усадил его за барную стойку, налил ему тёплой воды и стал с ним о чём-то тихо разговаривать.

Смирнов остался один на один с самогоном. Он прильнул к стакану и сделал один сильный глоток. Мерзкое пойло, выжигая глотку, попало сначала в желудок, а потом оттуда поднялось до мозга и ударило что есть мочи, крича как умалишённый: «Ну здорова, папаша! Папашка, ха-ха! Ну давай, рассказывай, чо у тебя там? Баба сбежала, или на работе душат, а может кто-то родной сдох? Ты говори, не стесняйся.

Всё равно под утро ни чо не вспомнишь. Я всё сотру, не парься, папашка. Ох, папашка, мы с тобой загуляем. Ух загуляем! Ты главное это, напор не сбавляй. А там мы как понесёмся, так нас никто не остановит! Ву-хаха!»

Смирнов утёр слезу и попросил у Серого закуску.

– Вон там банка с огурцами, возьми, – бросил ему хозяин кабака и продолжил заниматься Муравьёвым.

Смирнов сам зашёл за барную стойку и достал банку. Попытался её открыть руками, но крышка была слишком суровой для рук. Он достал нож, и, чуть не сломав его (да вот настолько была сурова крышка), всё-таки открыл банку. Рукой у него не получилось достать огурец, поэтому он насадил его на нож и стал есть так, с лезвия. Смирнов ещё раз пригубил самогона. Пойло ударило его по голове со словами: «Ну ты чо, как баба? Не закусывай, будь мужиком!»

Смирнов закусил огурцом, выдохнул и ещё раз влил в себя самогон. На этот раз самогонка сказала: «Ну ты чо. Ну ты чо на!? А как же: «мы понесёмся»? А как же: «Ву-хаха»? Это куда, блин, воще?»

Смирнов отставил самогонку. Серый уложил Муравьёва спать.

– Да уж, с клиентами порой хлопот не оберёшься, – улыбнулся Серый.

– Понимаю, – кивнул Смирнов. Они оба замолчали. Тихо посапывал Муравьёв. На улице устало залаяли собаки. Серый протёр барную стойку. Смирнов вертел в руках стакан

с самогоном.

– Ты ведь солдат, да? – спросил Серый, протирая кружку.

– Ты ведь тоже? – человек с чужим именем пытался рассмотреть что-то в стакане с самогоном.

– Да я и не особо скрываю, – пожал плечами Серый.

– Как узнал? – поинтересовался человек.

– Выправка у тебя солдатская. Взгляд намётанный, сразу все входы и выходы приметил, как вошёл в кабак. Ты от каждого шороха дёргаешься, как будто сейчас стрелять будут. И в стакан ты свой смотришь, как будто пытаешься там разглядеть причину своей жизни, – сказал Серый, высматривая в кружке притаившиеся пятнышки грязи, которые затаились в углах кружки, на самом доннышке, молясь Богу, чтобы их не нашёл матёрый глаз старого вояки.

Человек с чужим именем ничего не сказал.

– Слышал, вам тяжело досталось в последней кампании, – бросил в воздух Серый. Человек скривился от этих слов.

– Если не хочешь об этом говорить, я не буду настаивать, – Серый полностью сосредоточился на своей кружке. Человек допил самогон, громко поставил стакан на барную стойку, оставил рядом с ним горсть монет и ушёл, сказав:

– Сдачи не надо.

Серый бросил ему вслед:

– Если захочешь, заходи ещё.

Человек ушёл, ничего не сказав.

Солнце двумя пальцами цеплялось за горизонт. Смирнов

спешил на кладбище. Но он не успел. Ворота были заперты. Смирнов бился об них, но цепь на воротах своим скрипом говорила ему: «Нееет, ты не пройдёшь. Ты будешь спать на улице, на холоде. Ты продрогнешь, простудишься и сдооохнешь.»

– Эй! Эй! Откройте! – кричал Смирнов.

Но ему ответили только вороны.

Солнце уже покинуло этот мир, от него остались рассеянные лучи, которые стремительно растворялись в наступающем мраке. Смирнов кричал, но тишина была глуха к его крикам. Лучи последовали за своим родителем, и наступила ночь.

Смирнов сплюнул и закурил, стоя у ворот. Вокруг была тишина. Что ему теперь делать? Идти в деревню? Нет. Он не хотел. Кто его пустит на ночь? Да никто. Хотя, а что ещё остаётся? Он может постаять у ворот и подождать, не появится ли Пёс. Если он сможет докричаться до старика, может тот его пустит.

Но старик всё не появлялся и не появлялся. Смирнов докурил и перекинул окурок через забор, чтобы хоть какая-то часть него попала на кладбище. Становилось холоднее. Смирнов закутался в свой старый пиджак. Лучше не стало. Он пнул ворота, те скрипуче заворчали. Смирнов сплюнул и уже хотел идти в деревню, но вдруг во тьме кладбища загорелся свет. Смирнов закричал:

– Эй! Пёс! Это я – Смирнов! Я за воротами стою! Я в баре

был, и не успел дойти до дома.

Огонёк остановился. Тишина.

– Эй! Пёс! Пёс! Старик! Прости, что я тебя Псом назвал! Ну открой, пожалуйста! – Смирнов бился об ворота, а те смеялись над ним своим мерзким скрипом, а цепь приговаривала: «Нееет, он тебе не поможет. Ты думаешь, что он откроет? Наииивный. Ты никому не нужен. Ты урод и мразь, и твое дело – это сдооохнуть здесь. Пожалуй, это было бы самое лучшее достижение за всю твою бездаарную жизнь.»

Огонёк медленно попятился и скрылся за домом.

– Пёс! Пёс! Открой! Откройте! Кто-нибудь откройте!!!! – в яростном, почти безумном, отчаянии закричал Смирнов, пнул ворота и сквозь зубы прошипел, – мудака.

Он сел на землю, опёрся об ворчливые ворота и уже хотел закурить, но сигарет у него больше не осталось. Он громко выругался и... просто продолжил сидеть на холодной земле.

Вот и всё. Вот где он в итоге оказался. Один, в темноте, продрогший от холода, сидит у ворот, как неприкаянная психана. Надо идти в посёлок, искать там ночлег. Но уже поздно, кто ему откроет? Нет, не пойдёт он проситься на ночлег.

Смирнов, дрожа, поднялся и пошёл вдоль забора кладбища. Лезть через него было опасно не только из-за острых пик, что увенчивали забор, но и из-за того, что Пёс мог бы пристрелить Смирнова. Однако, работнику кладбища повезло. Проходя вдоль забора и ругаясь себе под нос, он увидел, что один из металлических стержней решётки погнулся.

ся. Смирнову удалось достаточно его расшатать, чтобы пролезть. Он попытался протиснуться между прутьями. Они старались выдавить из него все органы, не желая пропускать всего Смирнова, но делая исключение только его выжимке. Но на этот раз человек оказался сильнее стали. Смирнов протиснулся между прутьями и упал на безжизненную кладбищенскую землю. В нос ударил приятный запах удобренной трупами земли.

Смирнов поднялся и отряхнулся, только за тем, чтобы увидеть стоящего перед ним мертвеца. Белёные глаза уставились на его. Мгновение живой и мёртвый смотрели друг на друга, но труп увидел дыру в заборе и бросился к ней. Смирнов выхватил нож, и мертвец спокойно налетел на него. Трупу было абсолютно всё равно, он пытался перелезть через человека, и был даже готов тащить его вместе с ножом, только бы убежать с кладбища. Живой и мёртвый барахтались на земле, ни один из них не мог пересилить другого.

В какой-то момент драки человек с чужим именем вдруг осознал, что на него и мертвеца падает свет. Щелчок курка, вспышка, грохот и пуля чуть не прострелили руку человека.

– Пёс, мудака! – закричал Смирнов, вырвав кинжал из пуза трупа.

– Умолкни беглец! – закричал Пёс, выхватил топор и в слепой ярости бросился на два барахтающихся тела. Тяжёлый инструмент в остервенении опускался на мёртвое тело, которым человек защищался от старика. Мертвец извергал

из себя стоны попеременно с гнилью. Он пытался выцарапать лицо человека с чужим именем, при этом не отказывая себе в попытках откусить от его головы кусочек. Труп каким-то образом извернулся и, вцепившись в человека мёртвой хваткой, перевернулся на спину, подставляя живого под удары Пса. Старик уже замахнулся на коллегу топором. Лезвие вот-вот полетит на голову человека. Рывок... и вот уже нож вонзился в ногу Пса. Старик заорал, топор выпал из его рук. Человек выхватил нож из ноги Пса. Мертвец воспользовался этим и бросился к забору. Человек кинул в него нож, и тот вонзился в ногу мертвеца. Труп упал и пополз в сторону решётки. Человек схватил топор, навалился на мертвеца и прижал его к земле. Труп пытался сопротивляться, но он уже был обречён. Человек планомерно отрубил ему все конечности и, убедившись, что тело не сможет сбежать, вернулся к Псу.

Старик выстрелил в человека с чужим именем. Пуля по касательной задела плечо человека и, порвав пиджак и рубашку, оставила неглубокую царапину.

– Это я! Смирнов! – он закричал, поднимая руки.

– Ночь, ты меня не обманешь! – закричал Пёс, и разрывая воздух пуля пробил Смирнову ладонь. Кровь хлынула наружу, и тут же топор полет в старика. Пёс в ужасе отшатнулся, лезвие вонзилось в паре миллиметров от его ноги. Грохот и шальная пуля попала в землю. Человек с чужим именем бросился на Пса. Дрожащая от страха и боли рука Пса нажа-

ла на курок, ещё до того, как мозг принял какое-то решение, и разочарованная пуля пронеслась мимо человека. Сильным пинком он вмял Пса в землю.

– Ну что, успокоился? – человек склонился над Псом. Старик что-то промычал, от силы удара и потерянной крови он уже не мог ответить. Смирнов вздохнул, платком обмотал свою руку, потом порвал на себе пиджак и завязал рану Пса. Смирнов поднял чуть треснувшую лампу, подхватил за плечо Пса и поплёлся в сарай. Там он усадил старика на сено, раненую ногу он поставил на гроб. Он нашёл у старика в сарае бутылку припрятанной водки и ею обработал рану. Пёс всё это время тихо поскуливал. Смирнов оставил Пса в сарае, а сам пошёл к дому.

– Эй! Откройте! Это Смирнов! Пса сильно ранили! Ау! Нам нужна помощь! – кричал он, но ему никто не ответил. Дом молчал, казалось, что внутри никого нет. Учитывая правила герра, было бы глупо надеяться, что кто-то придёт к ним на помощь. Смирнов вернулся к мертвецу. Труп пытался отталкиваться от земли своими культиями, чтобы уползти с кладбища. Человек с чужим именем схватил тело за шкурку и потащил его к гробу. Мертвец тихо просипел:

– Ну и зачем были все эти старания, а? Тебе руку прострелили, другого ты пырнул, мне руки оторвал. И зачем это было? Ну сбежал бы я, и что? Ну что бы поменялось, а? По лесам бы шастал мертвец. А вам то какое дело? Трупом больше, трупом меньше, не велика потеря. Вот зачем ты это дела-

ешь, а? По-твоему, тебе достаточно платят, за то, что ты калечишь людей? Вот если подумать, ну что я мог такого сделать? Я просто бы вернулся к себе домой и всё. Ну может попугаю народ, но я ведь это не специально. Это просто лицо у меня такое прогнившее, а так я обычный человек, такой же, как и все. И просто за то, что я умер, меня держат под землёй – это неправильно. Разве ты так не считаешь?

Человек с чужим именем молча тащил труп.

– Молчишь, да? Ну молчи. Посмотрим, как ты запоёшь на моём месте. Ты понимаешь, что однажды тебя тоже в землю положат, и ты так же будешь биться, что есть мочи об крышку гроба, и ты так же будешь разрывать землю от отчаяния, и ты так же будешь вылезать из могилы в ночь, и ты так же в ужасе будешь пытаться сбежать с кладбища, и тебя так же жестоко сломают и закапают, а затем всё по кругу. Ведь от смерти не сбежать, никак. Ты тоже умрёшь! Все умрут! И всем придётся так же, как и мне. Ты ЭТО понимаешь? – мертвец выдавливал из себя слова, порой он захлёбывался в собственном сипении, выхаркивал гниль, но продолжал говорить, а человек продолжал молчать.

– Эй, ну скажи хоть что-нибудь! Ну хоть что-нибудь! Ты меня вновь убил! Ты понимаешь, что ты убийца? Я тридцать лет работал врачом. Я жизни спасал. Я в армии служил, в медчасти. Я всю жизнь был порядочным гражданином, семьянином, спасал людей, защищал свою страну, да просто жил, чёрт возьми, и теперь я гнилой труп, обречённый вечно

лежать в земле! Я был хорошим человеком. Разве я заслужил целую вечность мучений?! – слова сотрясали всё тела мертвеца, его голос был таким же сломанным как его руки и ноги, вся его речь звучало нелепо и жалко, как и его попытка уползти с помощью культией. Человек скинул тело, прицелился топором, чтобы размозжить ему голову и сказал:

– Я расскажу тебе короткую историю. У нас в роте был один парень, он не плохо дрался, но уж очень он был честный и упрямый. Он никому не позволял веселиться, особенно его трогало, когда наши развлекались с пленными. Он кричал: «Это идёт против всех правил ведения войны. Нельзя снимите так! Они хоть и враги, но тоже люди!» Порой доходило до драк, а начальству он жаловался постоянно. И вот однажды ночью его схватили наши, связали и кинули в выгребную яму. Там он и утонул. Его семье написали, что пропал без вести.

– А почему ты ему не помог? – спросил мертвец.

– Мне не хотелось разделить с ним его судьбу. Раз в могиле лежать неприятно, то в выгребной яме вряд ли чем-нибудь будет лучше, – человек с чужим именем горько усмехнулся. Мертвец закрыл свои белёдые глаза и сказал:

– Ну почему мой разум не умер вместе с телом? Всё-таки нет ничего лучше, чем забвение.

Человек убрал топор и потащил затихшее тело в сарай. Он положил его в гроб, рядом оставил его конечности, прикрыл его крышкой и принялся забивать в неё гвозди.

– Всё-таки попался, голубчик, – улыбнулся Пёс.

– Как ты? – спросил Смирнов.

– Хочу тебя убить. Ты, щенок, зря меня пырнул, не думай, что я это забуду, – прорычал Пёс.

– Ну, ты несколько раз пытался меня прикончить, но сам видишь, что из этого выходит, – ответил Смирнов.

– Мог бы хотя бы извиниться перед стариком, – пожаловался Пёс, глядя раненную ногу.

– Эй! Ты первый начал! Ничего бы не случилось, если бы ты просто пустил меня. Ты же слышал, как я кричал тебе? – оправдывался Смирнов.

– Я думал, что это ночь меня путает, – ответил Пёс.

– Но подойти-то к воротам и проверить ты мог, – Смирнов посмотрел на старика.

– Ну увидел бы я тебя и что? Откуда мне знать, что это не одна из мертвецких уловок? Кто знает, что они там напридумывали в своих могилах? К тому же, я бы тебе всё равно не открыл – хозяина запрещает, – сказал Пёс и, тихонько баюкая свою раненную ногу, прикоснулся к ней губами и тихонько залепетал, – ох плоть ты моя бедная, слабая. Сколько страданий на тебе, несчастная моя плотьюшка. Не переживай, бедненькая моя, скоро тебя земля приласкает, хозяин меня отпустит, и земля тебя приласкает. Будешь ты лежать в красивом гробике...

– Так ты бы меня даже не пустил! И где мне по-твоему спать? – возмутился Смирнов.

– За то, что ты сделал, тебе надо на холодных камнях спать, и шобы они из тебя всё тепло высосали! – обиженно ответил Пёс.

– Ладно, ладно, прости меня, мне не стоило пырять тебя, – сдался Смирнов.

– Заснись свои извинения себе в жопу! – огрызнулся Пёс, – ты испортил работника хозяина! Теперь я не смогу нормально дежурить, а кто меня заменит? Щенок, вроде тебя?!

– Тебя сейчас беспокоит, кто будет твоей заменой на работе? Ты серьёзно? – Смирнов поднял бровь.

– Да плевать мне на работу! – и для пущей наглядности Пёс реально сплюнул, – ты навредил слуге хозяина, а значит это вред самому хозяину.

– Тебя это волнует? Вёрфлюхт к дерьму относиться лучше, чем к тебе! – удивился Смирнов.

– Заткнись, щенок! – Пёс в ярости схватил топор и запустил его в стену, опасно близко к Смирнову, – ты ни хрена не знаешь!

– Ладно, ладно, – Смирнов примирительно поднял руки, – я понял, не будем об этом. Давай просто забудем об случившемся. Я могу купить тебе самогона.

– И сигарет! – недружелюбно добавил Пёс.

– И сигареты, – одобрительно кивнул Смирнов, и они закрепили свой договор рукопожатием.

– Но я всё равно всё расскажу хозяину, – твякнул Пёс и

отвернулся от коллеги, показывая, что разговор закончен.

– Ну ты и мудака! – Смирнов сплюнул и продолжил забивать гвозди в крышку гроба.

Утром обессиленные работники кладбища сидели не далеко от крыльца и ждали, пока выйдет Грэг и отнесёт к могиле гроб. Конечно, сначала надо было бы раскопать её, но сил у них не было, поэтому они максимально отдаляли этот момент. На улицу вышла Долли, чтобы полить маки. Она посмотрела на побитых Смирнова и Пса и сказала:

– Вас хочет видеть герр.

Пёс отбросил лопату, на которую он опирался и на одной ноге бросился в дом, Смирнов пошёл за ним. Когда он вошёл в столовую, Пёс уже стоял, еле балансируя на одной ноге, перед недовольным Вёрфлюхтом и давился словами, которые ему ещё не разрешили выдавить изо рта.

– Александр Иванович, будьте добры, объясните мне, что случилось этой ночью, – попросил герр, с трудом оставив от себя недопитый кофе. Смирнов кратко описал все события минувшей ночи. В момент, когда он рассказывал об стычке с мертвецом, вклинился Пёс:

– Это он меня ранил, хозяин! Это он испортил Ваш инструмент, хозяин! – захлёбываясь словами, лепетал старик.

– Заткнись, скотина! – герр ударил по столу и кружка с кофе чуть не опрокинулась, – ты будешь говорить только тогда, когда Я тебе скажу!

Пёс виновато потупил голову. Смирнов продолжил ра-

порт. Он рассказал всё как было, кроме, конечно же, разговора с Псом и мертвецом. Когда он закончил, Вёрфлюхт, тяжело вздохнув, сказал:

– Александр Иванович, я, конечно же, понимаю, что пьянство очень важная часть жизнь, но, если вы после следующей попойки опоздаете до закрытия ворот, можно, хотя бы, не вламываться на территорию кладбища. Я вычту лечение Пса из вашей зарплаты. К тому же, Александр Иванович, вам придётся не спать ещё несколько ночей. Хотя бы до тех пор, пока Пёс не сможет нормально стоять.

Смирнов покорно кивнул. Пёс, потеряв равновесие, упал на стол, неловко махнул рукой, и чашка с кофе, выплеснув последние капли на брюки герра, рухнула на пол, разлетевшись на куски.

– Пошли вон, – процедил Вёрфлюхт. Пёс виновато опустил взгляд и пополз на выход. Смирнов поднял старика и вместе с ним покинул столовую. Вёрфлюхт крикнул им вслед:

– И позовите Долли, пусть уберёт.

Как Долли позвала Пса и Смирнова к герру, так и они позвали её. Потом двойка села, и старик закурил.

– Сигарет почти не осталось, – ворчал Пёс.

Вернувшись от герра, Долли принесла Смирнову и Псу несколько бутербродов.

– Спасибо, – Смирнов благодарно принял еду и с жадностью набросила на неё.

– Можно было и что-то получше приготовить, – проворчал старик и нехотя сунул бутерброд себе в рот.

– Можно было и что-то получше ответить, – сказала своим привычным бесстрастным голосом Долли.

Пёс попытался что-то пробурчать ей в ответ, но подавился бутербродом.

– Что, благодарность в глотке застряла? – бросила Долли, вернувшись к поливанию маков.

Пёс задохнулся бутербродом, ужасно закашлял, покраснел, слёзы потекли из его глаз, и, содрогаясь всем телом, он выплюнул склизкую массу, в которую превратился бутерброд. Старик в ярости посмотрел на Долли и прохрипел:

– Убью, уродина!

Он вскочил и бросился на женщину, но тут же упал и заскулил от боли.

Смирнов и Долли усадили его обратно на крыльцо. Смирнов сунул ему в одну руку сигарету, а Долли в другую вложила бутерброд. Старик, всё еще поскуливая, закурил сигарету и закусил её бутербродом.

Смирнов доел и пошёл к сараю. Там он взял лопату и отправился искать могилу недавно пойманного трупа. Смирнову пришлось довольно долго блуждать по кладбищу, чтобы её найти. Он начал раскапывать, но силы в руках уже не хватало, поэтому он бросил дело на половине.

Смирнов воткнул лопату в землю, чтобы потом быстрее найти эту могилу. Он вернулся обратно к крыльцу. Пёс по-

вернулся к двери и молчал, пока какой-то маленький человек с саквояжем забинтовывал ему ногу. Долли стояла рядом и смотрела за происходящим. Она кивнула Смирнову, дав понять, что всё в порядке.

– Ладно, я закончил. Вам очень повезло, что грязь не попала в рану, – сказал мужчина и стал складывать бинты и препараты в саквояж. Он заметил Смирнова и, показав на его рану, спросил:

– Может мне и вас осмотреть?

– Пустяк, – покачал головой Смирнов.

– Как знаете, – пожал плечами мужчина.

– Спасибо вам, Ефим Петрович, – поблагодарила его Долли, и в её голосе мелькнуло что-то живое.

– Ничего страшного, Лиза, – махнул рукой Ефим Петрович.

– Может вам чего-нибудь принести? – спросила девушка, слегка наклонившись, пытаясь так показать свою готовность помочь гостю.

– О, не утруждайте себя, – ответил он.

– Но, мне нечем заплатить вам, – Лиза растерянно огляделась, как будто пытаясь найти рядом с собой деньги для доктора, но она быстро спохватилась и сказала, – но я могу рассчитаться с вами продуктами.

– Я бы предпочёл брать всё-таки более официальной валютой, – усмехнулся Ефим Петрович, – не переживайте. Раз не можете сейчас заплатить, потом распалить, вы всё равно

никуда не денетесь. Так, рецепт для чая я вам дал. Принимайте три раза в день, это поможет унять боль. Всё, я пошёл. Если что, Лиза, зови.

Ефим Петрович подхватил свой саквояж и покинул троицу, тихо насвистывая себе что-то под нос.

– Тебя зовут Лиза? – спросил Смирнов у женщины, когда врач ушёл.

– Ну уж точно не «Долли», – ответила девушка, – как и у Пса, имя точно не «Пёс», да и что-то мне подсказывает, что и вас зовут не Александр Иванович Смирнов.

– Да врёт она, – махнул рукой старик, – никакая она больше не Лиза. Лизу, как крышкой гроба, накрыла маска. Похоронила ты, Долли, свою Лизу.

– Ну, имя – не человек, никогда не поздно раскопать, – ответила женщина и ушла в дом.

– Ну не дура ли? – Пёс махнул на неё рукой и посмотрел на Смирнова, – мы ж с тобой понимаем, что мы не просто имена похоронили.

– Не просто, – кивнул человек с чужим именем и уселся рядом. Пёс, наверное, хотел бы сказать ещё что-то, но на крыльцо на четвереньках выполз Грэг.

– О, и тебе, дорогой, доброе утро, – уважительно кивнул ему Пёс. Здоровяк ничего не ответил, а только уселся между ними на ступеньки, тем самым вытолкнув их с крыльца, и устоялся на земле. Пёс, ничего не сказав, отполз от Грэга и растянулся на земле, тихонько лаская перевязанную ногу.

Смирнов же опёрся спиной об крыльцо и, поддавшись навалившейся на него усталость, весь день провёл в тяжёлой полудрёме.

В сознание он пришёл только к вечеру. Пёс, которому Долли помогала подняться на крыльцо, ударил Смирнова лопатой плашмя, легонечко, ровно настолько, чтобы не навредить человеку, но чтобы тому всё равно было больно. Смирнов, потирая ушибленное место, дошёл до сарая, забрал оттуда лампу и топор, вернулся обратно на крыльцо. Там его уже ждала Долли с миской щей и несколькими кусками хлеба.

– Поешь, ты с самого утра ничего не ел, – она протянула ему еду.

– Спасибо, – Смирнов кивнул ей и с жадностью набросился на миску. Пока он с особым рвением расправлялся с едой, Долли присела рядом. Она всматривалась в тени между надгробиями и стволами деревьев, пытаясь найти там кого-то. Но как бы глаза Долли не вопрошали тьму, та всегда молчала. И в этом, пожалуй, была главная жестокость тьмы, она никогда не отвечала. Она просто оставляла тебя одну с твоими переживаниями, страхами и надеждами... одну в этом огромном и пустом мире.

Смирнов доел суп и отдал миску Долли. Ему стало легче, кажется усталость отошла на задний план.

– Спасибо, – он ещё раз поблагодарил девушку. Долли собиралась уже войти в дом, но остановилась на пороге, и пе-

ред тем как пропасть за массивной дверью спросила:

– Я слышала ваш разговор с Псом. Вы правда думаете, что наша прошлая жизнь навсегда потеряна?

– Да нет, – пожал плечами Смирнов, – может быть и не навсегда. Я не знаю. Мне об этом не надо думать.

Долли ушла, ничего не сказав. И так же без слов пришла ночь.

Смирнов сделал быстрый обход. Ничего интересного не случилось, но во время обхода Смирнов вдруг осознал, что он совсем забыл про револьвер. Он проверил сарай, но там его не было. По-видимому, он забыл его во время драки с мертвецом. Смирнов обошёл место прошедшей стычки, но и там не было оружия. «Наверное, Пёс себе забрал, а мне не отдал из вредности, вот сука,» – подумал Смирнов и вернулся на крыльцо.

Тяжесть вновь обрушилась на него, но теперь с ещё большей силой. Он поставил перед собой лампу и смотрел прямо на неё, пытаясь так отогнать от себя сон. В глазах танцевали пятна от постоянного смотрения на источник света, а усталости меньше не стало. Голова гудела, она была как будто переполнена свинцом, кажется, ещё чуть-чуть и расплавленный металл потечёт из ушей. Но даже если бы тяжёлая жидкость, температурой в триста двадцать семь градусов потекла бы по его коже, он бы не почувствовал. Тело уже ничего не ощущало. Разум уже уснул. Смирнов видел и слышал, что происходит вокруг, но уже не осмыслял этого. Он просто пя-

лился в горящую лампу, в его глазах было меньше осознанности, чем в глазах населения местного кладбища.

Глаза Смирнова устали смотреть на лампу и устремились ко тьме. Из ночного мрака вылезла рука, сжимающая старый револьвер. Заскрипел курок... и сознание Смирнова влетело в его голову. На него тут же обрушился холод ночи, её мрак и тишина. Вокруг всё ожило. Ну как ожило, ночи на кладбище были настолько же живыми, насколько были живыми мертвецы, что бродят под луной. Смирнов тяжело вздохнул. Его прошиб холодный пот.

– Надо найти револьвер, надо найти револьвер... – шептал он себя под нос, рыская по кладбищу.

Револьвера не было ни в сарае, ни около дома, ни у забора, ни у ворот – нигде его не было. Но Смирнов мог поклясться, что слышит, как за могилой кто-то взводит курок. Александр Иванович упал на землю и пополз к этой могиле, но ничего кроме похороненной жизни он там не нашёл. Но вдруг ещё раз заскрипел курок. И Смирнов бросился к скрипу через всё кладбище, запинаясь за корни деревьев, напарываясь на надгробия, позабыв о безопасности, ведь новый владелец револьвера, смог бы за одно мгновение убить Смирнова. Но не было ни грохота, ни вспышки от выстрела. Кто бы не завладел револьвером, он игрался со Смирновым. Он дёргал за курок, приводя в действие не механизм орудия, а инстинкты человека с чужим именем, будя в нём старую боль и старый страх.

Смирнов споткнулся об позорное ничего и растянулся на земле. Фонарь укатился в сторону, а где-то впереди раздался скрип курка. Смирнов схватил фонарь, встал на колени и уже приготовился вновь броситься за неуловимым вором, как вдруг его взгляд встретился со взглядом мертвеца, который только на половину успел вылезти из могилы.

– Эм, здрасте... – неуверенно выдавил из себя труп. Человек перехватил топор и занёс его для удара.

– Дружище, стой! Мне надо только убить одного ублюдка, и даю слово, я вернусь на кладбище, честно, – уверял мертвец. Человек посмотрел на говорящее тело и только сейчас узнал в нём не давно похороненного бандита.

– Послушай, мне только надо убить этого сраного патрульного! Представляешь, я почти месяц хреначил по лесам, ни хрена не жрал. Увидел этого патрульного и решил сдать. Хватит с меня преступлений. Всё набегался я. А тот взял и пустил пулю мне в голову! Ты представляешь? Ну что за мудаки! – продолжал болтать мертвец. У человека с чужим именем не было особого желания разговаривать с ним, поэтому он просто опустил топор ему на голову. Череп мертвеца разошёлся на две части. Труп недовольно взял две половинки головы и, сложив их вместе, заявил:

– Парень, а вот это вообще не культурно.

Человек молча занёс топор для второго удара, но мертвец поднял руки, из-за чего его череп вновь развалился, и зататорил:

– Стой! Стой! Стой! Не бей! Отпусти топор. Послушай, зачем нам вот это тут начинать. Я понял, ты не хочешь, чтобы я уходил. Давай тогда так: дай мне покурить, и я вернусь в могилу. Подумай, всего лишь одна сигаретка, а сколько мороки тебе удастся избежать! Ну правда, дай мне покурить и всё, я уйду.

Смирнов не стал опускать топор на тела мертвеца. Он порылся в карманах своего пиджака и нашёл две смятые сигареты. Они лежали на дне внутреннего кармана, который был слишком узким для руки Смирнова, поэтому курево пришлось вытаскивать кончиками пальцев. На самом деле удивительно, что он их раньше не нашёл.

Смирнов закурил с мертвецом. Горький запах дыма разбавил ночь. Труп не мог вдыхать дым, поэтому он просто сосал сигарету.

– Ох, табачок, мой табачок. Конечно вкуса нету, зато привычка то осталось, – ухмыльнулся мертвец, – помню я как-то раз такие сигареты курил. Ах, ты бы знал! Какие сигары были! Иностраннные. Такие сигары только короли и курят. Закурить такую – это настоящий праздник! Вот какие сигары я покуривал, во какие! Да уж, хорошие времена были.

Мертвец пытался разглядеть во тьме своё прошлое, рассасывая сигарету.

– Эх, если бы я смог. Если бы меня не прирезал этот сраный патрульный! – покачал разваливающейся головой труп, – то я бы отсидел спокойно и вышел бы, а на свободе

меня бы такие сокровища ждали. Я нашёл настоящий клад Древних Королей! Эй, чего смеёшься!

Мертвец обиженно отвёл взгляд от Смирнова, хотя тот ни разу не изменил своего лица и не издал ни единого звука. Труп выдержал паузу и продолжил:

– Короче, я спрятал целую гору денег. Их была так много, что я бы мог полностью забить ими вон тот дом. Я абсолютно серьёзно. Если бы я их получил, то я бы купил нашу сраную страну. Нет серьёзно, я бы купил всё государство, и мне бы на сдачу ещё бы замков триста дали бы. Я не шучу! Я уверен никто в мире не видел такого количества золота, что я! Ну раз не веришь мне, то и не верь. Не очень-то и хотелось.

Труп насупился и дососал свою сигарету. Он ещё раз оглядел ночную тьму и как-то грустно посмотрел на горящую лампу. Её свет был в раз триста меньше, чем свет от блеска сокровищ, что видел мертвец.

– Ну ладно, – пожал плечами труп, – что уж тут такого. Я всё-таки не плохо пожил. Я вообще-то много где был. Я и во флоте служил и при дворе у Императора, и в страны заморские ездил. Я, вообще-то, на слонов охотился. Ты бы знал какие это звери. Ох, громадные. Одна скотина с гору размером. Да, да с гору, я не шучу! О, ещё как-то раз, я спас одну принцессу... но это уж больно длинная история, не буду даже начинать. Ну что ж, пришло время прощаться. Эх, это печально. Но не так печально, конечно же, как тот раз, когда покидал свою банду. Ох ты бы знал, как они рыдали...

Человек поднял топор, чтобы отрубить трупную голову.

– Ой, да ладно! Что уже и попрощаться нельзя? – возмутился мертвец, – ну всё, пошёл я, пошёл!

И он залез обратно в свою могилу. Смирнов почесал затылок и вернулся к крыльцу. Он уселся, ещё думая о своей странной встрече с мертвецом. И только когда настало утро, и Долли позвала его завтракать, он вспомнил про револьвер. После завтрака он подошёл к Псу. Долли помогла ему спуститься на крыльцо, и теперь он сидел на ступеньке и пытался плевком попасть по маку Долли.

– Послушай, – обратился к старику Смирнов, – а револьвер у тебя?

– Нет, – ответил Пёс и попытался ещё раз плюнуть, но на пол пути затормозил, из-за чего слюни не вылетела, а просто вылилась из его рта.

– погоди, – злобно усмехнулся старик, – так значит ты просрал револьвер.

– Нет, – ответил Смирнов, – я просто спросил, не у тебя ли револьвер.

– Нет, щенок, ты его потерял, – глаза Пса засверкали злобой радостью, – а значит я смогу всё рассказать хозяину, и Он тебя выгонит. А если хозяин тебя выгонит, значит ты будешь Ему не нужен. А если ты будешь Ему не нужен, то я смогу тебя убить!

Смирнов хотел что-то ему ответить, но в разговор встряла Долли:

– Я взяла револьвер.

– А тебе-то он зачем? – возмутился Пёс.

– Ну, например, чтобы прострелить тебе вторую ногу за то, что ты в мои маки плюёшь, – спокойно ответила Долли.

– Но если ты мне ногу прострелишь, то хозяин слуги лишится! – старик чуть не заплакал от этой мысли, – а как Он будет без меня? Как же можно так поступать с хозяином! Ты бесчувственная мразь!

– Ничего, он тебе замену найдёт, – ответила Долли.

– Фух, ну и хорошо, – Пёс с облегчением выдохнул и вытер проступившие слёзы жалости.

После они пошли в сарай, где уже второй день гнил труп. Лето было довольно жарким, и, хотя гроб вмещал в себя большую часть зловония, но миазмы всё равно уже вылезали наружу.

– Надо Грэга позвать, чтобы гроб унёс, а то тут уже дышать невозможно, – сказал Смирнов.

– А ты могилу то раскопал? – спросил Пёс.

– Нет, – покачал головой Смирнов.

– Ну так иди и копай. У меня рана я не могу, – заворчал старик.

Смирнов медлил, он устал и сейчас больше всего ему хотелось спать. Он неохотно взялся за лопату и уже направился к могиле, но около сарая его и Пса окликнули Близнецы, которых пустила Долли.

– Нам работа нужна. Серый самогонку зажал! – пожало-

вался один из них, а второй поддерживающе закивал. Смирнов сунул им в руки лопаты и отправил к могиле.

Вскоре работа была выполнена, земля съела беглеца, а радостные Близнецы отправились пожирать местный алкоголь. Смирнов же спокойно смог вернуться на крыльцо и предаться тяжёлому забытию.

Прошла очередная ночь, а за ней и очередной день. Мир выдерживал тишину. Он никак не напоминал Смирнову о потерянном револьвере, а работник кладбища был и рад забыть об этом инструменте. Но вот снова ночь поднялась из своей могилы, забросив туда день. Она накрыла траурным саваном мир. И спокойно бы сидел Смирнов, отделившись от этого савана своей маленькой лампой, но оглушительный грохот разорвал ночь и вырвал Александра Ивановича из его уже обыденной полудрёмы.

Где-то в ночи проснулся револьвер и громко заявил о себе забывшему о нём миру. Смирнову пришлось ответить на это заявление. Он побрёл через ночь примерно в том направлении, где был выстрел. После каждого шага он весь превращался в слух, пытаясь выудить из тишины ещё хоть пару налётов от револьвера. Но оружие теперь молчало. Смирнов прошёлся между могил и вышел к забору кладбища.

Он уже хотел повернуть назад, как вдруг услышал чей-то плач. Смирнов развернулся в сторону звука. Он увидел какое-то движение около забора. Смирнов подошёл к забору, лучи от лампы выхватили из тьмы гнилые почерневшие ру-

ки тянулись к нему из темноты, а с ними тянулся и плачь:

– Ну, пусти, ну пожалуйста. Чего тебе стоит! Ну чего? Я спать хочу! Мне покой нужен. Покой! Я... я думал это уже закончилось... Но я проснулся! Я опять проснулся! О, зачем же я проснулся! Я хочу в могилу. В холодную, мягкую, тихую могилку. Ну дай мне пойти в могилку! Ну, пожалуйста! Ну, дай! Дай!

Смирнов отступил ещё дальше от забора, и труп зарыдал ещё сильнее. Смирнов пошёл в глубь кладбища, но мертвец не унимался. Его непрекращающийся плачь переходил в ор, который в свою очередь превращался в визг, похожий на тот, что издаёт мать, когда перед ней убивают её дитя. И время от времени мертвец захлёбывался чёрной жижей и начинал кашлять с таким звуком, как будто это больной туберкулёзом выхаркивает свои лёгкие.

Шум, издаваемый мертвецом, разрывал кладбище и сводил Смирнова с ума. И чем сильнее Александр Иванович пытался заткнуть уши и не обращать внимания на крики, тем громче и назойливее они становились.

Смирнову тяжело вздохнул и вернулся к мертвецу.

– Ну ладно, ладно, пушу я тебя на кладбище, только заткнись! – сдался наконец-то Смирнов. Лицо мертвеца изобразило какое-то подобие улыбки. Смирнов дошёл до погнувшегося прута забора и вновь его расшатал, и мертвец, извиваясь как червяк, пролез на территорию кладбища.

– Теперь могилку бы мне. Могилку бы... – бормотал труп.

– Эх, – тяжело вздохнул Смирнов и побрёл к сараю, – ладно, будет тебе могилка.

– Могилка! Могилка! Могилка! – радостно заверещал труп.

– Ой, только заткнись, – пробурчал уставший Смирнов.

Тяжело было капать в ночи могилу для незваного гостя. Мертвец помогал Смирнову, своими окоченевшими руками он рвал землю, а земля рвала его окоченевшие руки.

Труп тихо бормотал себе под нос:

– Ну всё, находился я, находился. Сейчас приляжем, и всё хорошо будет. Как же это так получилось, я же так не хотел просыпаться, я всё сделал чтобы больше не вставать... Но она меня не приняла... Но как же так! Это... это же так жестоко. Почему ты отринула меня? Почему?! Почему... Хорошо, что мне ребята дорогу указал. Всё хорошо будет. И лес, и люди, и всё уйдёт. Всё сейчас уйдёт. Ничего там не было... Всё уйдёт, уйдёт... Сейчас дядя могилку мне раскопаем, и я лягу. И всё, и тьма. И всё уйдёт... Всё уйдёт...

Смирнов копал с большим усердием, чтобы сквозь работу лишней раз не слышать мертвеца. Когда они раскопали могилу, труп улёгся в неё, закрыл лицо руками и радостно закричал:

– Закапывай! Закапывай меня, дядя!

И под радостное улюлюканье мертвеца человек с чужим именем похоронил его. Когда последняя горсть земли упала на могилу, из-под земли раздался последний облегчённый

смех, и всё замолкло. Человек положил лопату, растянулся на земле и сам замолк.

Прошло несколько дней. У Пса на удивление быстро зажила нога, и он сменил Смирнова на ночном посту. Александр Иванович смог в кое-то веке проспаться. Кроме этого никаких интересных событий больше не случилось. За все эти дни они похоронил только одну старуху, которая чуть сама не развалилась в собственном гробу.

Наконец-то Смирнов смог посетить кабак Серого и вновь насладиться яростным вкусом местного самогона. Он сидел и закусывал самогонку уже пятым огурцом. Овощи хотя бы не ошпаривали глотку и не оставляли во рту поганое послевкусие. Серый опять протирает стаканы, вообще, он постоянно протирает стаканы, либо барную стойку, он это делала даже тогда, когда барная стойка и стаканы были чистыми. Кроме Серого и Смирнова в кабаке сидело ещё несколько завсегдатаев, которые проводили свой вечер напряжённо обсуждал новости:

– Вы слышали, говорят, столицу обстреливают, там сотни жертв!

– Да враньё – это всё! Правительство знает, что делать! – забурчал уже перебравший посетитель.

– Ага, знает! Я вчера в городе был, так даже у них лекарства в аптеках заканчиваются. Люди всё скупают! Ефим Петрович говорит, что скоро подорожником лечиться будем, – ответил третий, самый мрачный из всех

– А ты верь этому Ефиму Петровичу! Знаем мы этих врачей сраных! – закричал сверх меры пьяный и, удивившись громкости собственного голоса, влил в себя ещё кружку пива. Его собеседник хотел, что-то возразить, но, осознав, что состояние собеседника не располагает к диалогу, только махнул рукой.

Серый и Смирнов время от времени обменивались скухими фразами и вновь замолкали, чтобы придумать, что ещё можно обсудить. Каким-то образом разговор их коснулся темы любви.

– Был у меня один сослуживец, – начал Серый, – ох страстно он влюбился в одну южанку. Дело было так: мы временно квартировались в одном городе, всего пару дней там пробыли, а он уже с какой-то местной девкой шашни стал крутить.

Серый ухмыльнулся:

– Он нам клялся, что сбежит с ней и службу бросит.

– И что с ним в итоге стало? – спросил Смирнов.

– Под трибунал пошёл, – помрачнев, ответил хозяин кабака, – его девку офицер увёл, и он их обоих зарубил.

Смирнов осушил свой стакан. Серый налил ему ещё и, взяв грязную кружку, сказал, как бы подводя итог:

– Бывает же такое, находит на человека какая-то... дурь.

– Угу, бывает, – буркнул человек с чужим именем, пытаюсь своими словами оттолкнуться от чего-то. Он уставился в свой стакан. Из его мутных глубин с криками и мольбами

о пощаде выплывало что-то страшное, жестокое и глубоко запрятанное. Человек одним глотком опустошил стакан и отставил его подальше.

– Серый, ещё пива! – крикнул один из постояльцев.

– Сейчас будет! – ответил Серый и передал несколько кружек пива немного пошатывающемуся мужчине.

– Почему у тебя нет других работников? – спросил Смирнов, – мог бы себе помощника взять.

– Не знаю, – пожал плечами Серый, – мне как-то одному спокойнее. Помню, когда я переехал в посёлок... Я причём тут поселился одним из первых. Дома пустовали, места тут было много. Говорят, старые жители все ну... А ладно, давай не будем об этом. Так о чём это я? Ах, да. В общем, была у меня раньше одна помощница. Хорошая женщина, уже в годах. Не буду скрывать, впала она мне в душу.

– И что случилось? – спросил Смирнов.

– Да... – махнул рукой Серый, – согрешила она передо мной, и мы разошлись.

– Сочувствую, – сказал Смирнов ради приличия.

– Ой, да не надо, что было то было, – отмахнулся Серый, – это уже не важно. Что было, то было.

– Что было, то было, – кисло усмехнулся человек с чужим именем и осушил стакан самогонки.

– Ладно, – Смирнов оставил несколько монет на барной стойке и встал, – поздно уже, пора возвращаться, а то кладбище закроют.

Он не ошибся, когда Смирнов добрался до ворот у них уже стоял Пёс, готовый запирать кладбище на ночь.

– Удивительно, успел всё же приползти, щенок, – недовольно процедил старик.

– Ага, это тебя, как обещал, – Смирнов сунул в руки Псу бутылку самогонки и грязную, смятую пачку сигарет.

– О, – старик с удивлением посмотрел на них, как будто он и не договаривался со Смирновым, и тот просто так сделал ему подарок, – долго же ты.

– Сигареты долго искал. Табак не завозят, я последнюю пачку в посёлке взял, – ответил Смирнов. Пёс достал две сигареты и отдал одну Смирнову. Работники кладбища уселись на крыльцо и молча закурили. Мысли Смирнова растворялись в дыму, и он не заметил, как из этого дыма выплыла ночь, и он вновь остался с ней один на один.

Смирнов сидел на крыльце и мрачно смотрел в темноту. Сигарет не было, на этот раз точно. Он сделал не большой кружок по кладбищу. Что-то было опять не так. Кто-то ходил во тьме, но не приближался. Он наблюдал за Смирновым из далека. Прятался от него. Он ещё не решился подойти.

Смирнову так и не удалось его обнаружить. Он прикидывается ветром, шелестящим листвой деревьев, случайно упавшей веточкой, бормотанием ночной птицы, далёкими звуками мира вне кладбища, странной тенью от лунного света, невнятным силуэтом дерева или надгробья, но человек с чужим именем знал, он точно знал, что это не случайно-

сти, это не паранойя, это – враг. И он изучает его, он ждёт момента. И это нельзя так просто оставить, противник должен быть ликвидирован, сектор должен быть зачищен. А в нынешних обстоятельствах, никто с тобой церемониться не будет. Может стоит играть на по его правах? Выключить свет и попытаться найти врага во тьме. Это конечно же ухудшит обзор, зато даст шанс самому спрятаться от слежки.

Или он ждёт этого? Он хочет, чтобы человек выключил свет, и тогда тьма сделает за него всю работу. Он лучше человека в ночных делах, и они оба это знают. Стоп! Какой чёрту свет! Человек потерял револьвер... и если им завладел противник... Чёрт, да человек же теперь – просто ходячая мишень! Но если оружие у врага, то почему тот ещё не выстрелил. Может ждёт? Но чего?

В любом случае, ходить по кладбищу просто так опасно, стоит занять позицию либо на крыльце, либо в сарае. Смирнов спешно направился в сторону дома. Он увидел, как из здания администрации кладбища в сторону могил бежит какая-то фигура, которую с трудом можно было разглядеть во тьме. Весь страх сошёл с человека с чужим именем. Какой, нахрен, «кто-то во тьме»? У него есть работа, которую нужно выполнять.

Смирнов последовал за тенью. Она скользила между могилами, оставляя за собой кровавый след из лепестков. Смирнов в погоне за ней свернул не за ту могилу. След ушёл от его глаз. Смирнов бросился обратно, но за одной из мо-

гил он услышал какие-то звуки. Он направился в их сторону и увидел Долли, стоящую перед кровоточащей маками могилой. Её маленькая фигура дрожала под лучами уходящей луны.

– Пожалуйста, вернись. Прошу тебя, вернись. Вернись! Вернись! – она застучала кулачками по надгробию, но камень ей ничего не ответил. Она упала на колени.

– Ну почему, почему ты всё лежишь там? Ты же можешь сбежать. Я знаю. Сколько раз я слышала вопли мертвецов в ночи, но я не разу не слышала там твой крик.

Слёзы оросили кладбищенскую землю.

– Может ты не узнал меня? – она сорвала с себя маску и вышвырнула её, – это я, я, Лиза! Может из-за шрамов не видно, но это я. Прости пожалуйста, я испортила лицо, но это из-за нервов... Но голос же у меня тот же! Ты слышишь меня? Ты меня слышишь? Ты узнаёшь меня?!

Лиза в истерики стала биться об сырую землю:

– Ну почему ты не отвечаешь мне?! ПОЧЕМУ!? Это же я, твоя Лиза! Я, которая предала тебя, которая струсила в последний момент, которая оставила тебя умирать! Пожалуйста, ответь мне. Вылези из могилы. Вырви мне сердце! Убей меня, убей!!! Но только дай мне увидеть тебя хотя бы ещё раз!!!

– А может, – с толикой надежды произнесла Лиза, – ты всё же жив. Да, ты просто не можешь выбраться оттуда. Ты меня не слышишь, ты же под землёй! Ха-ха! Точно, ты про-

сто меня не слышишь. Давай я помогу тебе.

Лиза принялась раскапывать могилу, сдирая ногти с пальцев и приговаривая:

– Не переживай, милый, ты выберешься, я вытащу тебя. Не переживай, всё будет хорошо. Мы вновь встретимся. Мы вновь будем вместе...

– Лиза, – раздался знакомый голос за её спиной.

– Можете не переживать, я не открывала дверей, мертвецы не проберутся в дом, – бросила она Смирнову и продолжила копать.

Человек с чужим именем тяжело вздохнул и, уходя, спросил её:

– Зачем он тебе?

– Он должен убить меня. Я его предала и должна за это понести наказание, – ответила Лиза.

– Зачем тебе это? Ни один человек не хочет, чтобы ему причиняли боль. Идти к своему убийце – это глупо, – сказал человек.

– Но нельзя же жить так! – воскликнула Лиза, – нельзя же вечно жить под грузом вины, она же сожрёт тебя изнутри. Пускай он лучше убьёт меня, и тем я искуплю своё предательство, чем всю жизнь буду страдать от него.

– Так не страдай, – пожал плечами человек, – какая разница, кого ты оставила позади? Если они мозолят тебе глаза, то просто не оборачивайся.

– Но так же нельзя! – вскочила Лиза, – ты же не можешь

просто забыть, всё что было. Ты же не можешь выкинуть свою память, как негодный сапог.

– Но ведь и смерть ничего не исправит! – закричал человек, – ты видела этих мертвецов? Они всё помнят. Они всё знают. Они ничего не забыли. В этом поганом мире даже у смерти нету забвения! Ты ничего не исправишь. Ничего! Даже если он убьёт тебя, это ничего не исправит. Он будет так же мёртв, как и до этого, а ты станешь гниющим трупом! Кому это поможет?

– Мне это поможет, – покачала головой Лиза, – у меня будет прощение. Даже если он будет всё равно меня ненавидеть, я буду знать, что получила своё. Я буду знать, что я свободна от своего греха.

– Греха? Какой к чёрту грех? Ты в своём уме? Ты умрёшь! Понимаешь? **ТЫ УМРЁШЬ!** – человек говорил всё громче и быстрее, – Мы не можем просто так разбрасываться жизнью. Это самое ценное, что у нас есть. И мы должны жить. Несмотря на все опасности, несмотря на весь ужас существования, несмотря на наши ошибки – мы должны жить.

– Нет. Мы не должны просто выживать, как какие-то псы. Мы люди, мы должны творить добро, – хотя это сложно было заметить в сумерках, но лицо у Лизы покраснело так сильно, что казалось – это кровь просочилась сквозь старые шрамы на её лице.

– Добро? Добра ты хочешь? Да я ради этого добра людей убивал! Мы ради этого добра деревни жгли! Я видел, как ма-

тери с ума сходят, плача над трупами детей. А мне все говорили- это добро, мы ради правого дела служим! – воскликнул человек.

– А зачем вы этого делали? Зачем вы их убили, – спросила Лиза, вновь обесцветившим голосом.

– Потому что мне приказали, – ответил человек.

– А зачем вы послушались этого приказа? – спросила Лиза.

– Потому что приказов нельзя слушаться, – ответил человек.

– Можно, – ответила Лиза.

– Нет, тебя убьют! – резко ответил человек и сжал кулаки

– Я думала, у вас больше чести, – Лиза смерила его презрительным взглядом.

– Да какая нахрен честь, я сраный дезертир!!! – заорал человек, и его вопль прокатился по всему кладбищу.

– Знаете, я предала своего возлюбленного, но в отличие вас я не предала себя, – Лиза отвернулась от него и продолжила копать могилу. Смирнов сплюнул и пробормотал:

– И правда, не только уродина, но ещё и дура.

Смирнов покинул Лизу и пошёл обратно к дому. Но вдруг, в самый тёмный час перед рассветом, когда вдалеке только-только багровеют первые лучики солнца, а само светило ещё не показало свой лик, где-то в глубине кладбища раздался грохот. Это револьвер звал к себе человека с чужим именем. И он услышал зов оружия. Человек, перехватив то-

пор, и затушив лампу, бросился через могилу в сторону шума. Пригибаясь за надгробиями и вихляя между деревьями, он добрался до небольшого холмика. На вершине его стояла одинокая могилка. Около неё человек нашёл испачканный в грязи револьвер.

«Как он вообще тут оказался?» – подумал Смирнов и спрятал оружие за пазухой. Он уже собирался уйти, но вдруг, луч солнца упал на надгробие. Человек бросил рассеянный и усталый взгляд на камень. Он прочитал имя. Нахмурился, прочитал ещё раз и ещё раз. Но надгробие не сообщало ему никакой новой информации. Только знакомое лицо, как будто смотрел на него с отполированной поверхности камня.

– Эй, Шиша! – окликнул он молодого солдата, развалившегося под деревом.

– Чё те? – спросил товарищ, отпив немного из фляги.

– Дай сигарету, – попросил человек.

– Ты же только что одну выкурил! – удивился солдат.

– Но я ещё хочу! – ответил человек.

– Да ты охренел! Ты дымишь хуже паровоза! – возмутился парень.

– Ну Шиша, ну дай! Ну тебе что, жалко, что ли? – упрашивал человек.

– Ладно, на держи, – товарищ махнул рукой и протянул ему заветную сигарету, – только не лопни от радости, козли-на.

– Ага, спасибо – ухмыльнулся человек и с большим удо-

вольствием закурил. Дымок тоненькой струйкой полетел в утреннее небо. Два солдата смотрели друг на друга. Один лежал, другой стоял, один завидовал другому, а том было уже всё равно... ему уже давно было всё равно.

Глава

III

Весь день служители кладбища искали Долли. Вёрфлюхт был в ярости, никто не мог найти сраную девчонку. Пёс десять раз пробежал всё кладбище в попытках найти Долли. Он был готов перекопать каждую могилу, лишь бы выполнить волю хозяина. Одну он всё-таки раскопал, ту, которая кровоточила маками, но кроме костей и цветов он в ней ничего не нашёл. Ближе к вечеру на крыльцо вышел Грэг и мрачно указал на верхний этаж.

– Герр хочет нас видеть? – уточнил Смирнов. Громила одобрительно замычал. Двое работников кладбища представили перед своим начальником. Вёрфлюхт раздражённо пил жалкие капли из своей кружки, по полу расплзлась огромная лужа от разбитой банки с водой, из которой он попытался себе налить.

– Ничего? – спросил Вёрфлюхт, сам понимая какой будет ответ.

– Ничего, – ответил Смирнов, – я могу пойти в город и порасспрашивать там. Может кто-то из селян её видел.

– Ты же просто в кабак пойдёшь, – отозвался уже немного уставший Вёрфлюхт.

– Ну да, – ответил Смирнов, – заодно и спрошу там.

– А, – махнул рукой герр, – иди, но чтобы завтра был готов к работе.

Смирнов кивнул и направился к двери. Пёс стоял рядом со столом, грустно опустив голову.

– Пёс, налей мне чаю и поешь приготовь, – пробормотал Вёрфлюхт, развалившись на своём стуле.

– Хозяин! Хозяин, неужели... я так давно для вас не готовил... – счастье застряло в горле старика, слезы навернулись ему на глаза.

– Заткнись, просто выполняй свою работу, – Вёрфлюхт массировал свои веки, а радостный слуга бросился выполнять волю своего господина.

Смирнов нехотя расспросил пару селян, те, конечно же, ничего ему не ответили, и он со спокойно душой направился в кабак. Когда Серый уже наливал ему стопку самогонки, он спросил его про Долли и местного врача, с которым она была дружна.

– Если бы тут где-то увидели девку с жуткой маской на лице, то весь посёлок трещал бы об этом без передышки, – ответил Серый, непринуждённо протирая стакан, – Ефим Петрович же поехал в город. Ему должны были привезти из ихней больницы необходимый набор лекарств, но уже вторая неделя идёт и ничего нет, поэтому он поехал разбираться.

– Ясно, – кивнул Смирнов и влил в себя самогон. Свою работу он выполнил, теперь можно было и отдохнуть. Само-

гон на этот раз был поспокойнее, он не кричал и не бил по голове, а с фальшивым дружелюбием бормотал: «Братан, чё кого?! Кого чё, братююуууууунь?!»

– Ты стал самогон водой разбавлять? – поинтересовался Смирнов.

– Ага, все сейчас напряжены, думаю надо, так сказать, «снизить градус», – ответил Серый, натянуто улыбаясь. Смирнов пожал плечами и продолжил пить спокойны самогон. Впрочем, все напитки в кабаке сегодня были спокойны, в отличие от их реципиентов. Они все, кроме Смирнова, собрались за одним столом и нервно переговаривались.

– Ну, какие у нас новостишки? – спросил посетитель с притворной усмешкой.

– Говно «новостишки», – угрюма ответил другой, – юг в огне, степняки весь свой скот перерезали, совсем из ума выжили...

– Ну не ври, зачем степнякам скот резать, они же зиму не переживут, – старший из них попытался урезонить говорящего.

– Да хрен с этими дикарями! – встрял в разговор четвёртый, разгорячённый не столько алкоголем, сколько собственными переживаниями, – столицы нет! Столицы больше нет! Город сравнивали с землёй! Говорят, море покраснело от крови, что натекла в него.

– Ой, да это брехня! – махнул рукой старший, – у кого на такое могло хватить сил?

– У повстанцев или иностранной армии, – ответил ему самый угрюмый из них.

– Или сами переругались! – встрял посетитель с притворной усмешкой.

– А как же армия? Наши же не могли так просто отдать столицу, – старший возразил угрюмому.

– Что-то от нашей армии я давно хороших новостей не слышал, – заметил угрюмый и, подарив стакану пустоту, опустил его на стол с такой силой, что стекло не выдержало и треснуло.

– Не смей так говорить! Там наши парни! Я уверен, что они делают всё возможное... В конце концов там мой внук. Я уверен, и у вас есть родственники на службе. И вы же не думаете, что они там просто так? – в словах старика чувствовалось ярмо, которое он взвалил на себя, и это же ярмо должны были нести все остальные.

– Да нет уже твоего внука, какой месяц от него ни ответа, ни привета. Сдох он, как и мой племянник. Они там все передохли! Это не армия – это позор! – раскричался самый разгорячённый из собутыльников.

– Да ты! Ты... СРАНЫЙ ПРЕДАТЕЛЬ! – заорал старший и через стол полез на разгорячённого.

– Эй! Никаких драк в кабаке! – крикнул Серый, но его уже никто не слушал. Угрюмый попытался разнять старшего и разгорячённого, но получил локтём по морде. Пьяные сцепились, упали на стол и чуть его не перевернули. Стаканы

попадали на пол, и кто знает, что бы случилось дальше, если бы в кабак не ворвался мужчина с пунцовым лицом, крича:

– Мужики, на наших напали! Бандиты в селе! За мной!

Все тут же подскочили, и если не побежали за мужиком, то точно стали бросаться вопросительными взглядами и ещё более вопросительными вопросами. Смирнов допил самогон, оставил пару монет и покинул кабак.

Последние лучи солнца с интересом следили за потерянным мужиком, оказавшимся в непростой ситуации. Путь назад ему преграждал высоченный забор. Путь вперёд ему загородила толпа сельчан, от которых он закрылся плачущей девушкой, чью шею щекотал нож.

– Отпусти девочку, и мы тебя пощадим! – зычным голосом рявкнул огромный богатырь с косматой золотой гривой, которая прикрывала постыдное клеймо на его лбу. Пригнувшись за телом девушки мужик кричал, время от времени переходя на визг:

– Разойдись! Разойдись! Я ей глотку вскрою! Со мной целая банда! Отпустите меня, а не то мы всех порешаем к чертям собачьим!

Толпа и богатырь робели.

– Селифан, ну сделай что-нибудь! – умоляла великана безутешная мать девочки. Богатырь только ещё больше хмурился, и под его взглядом мужик всё больше и больше сгибался за девушкой. Селифан попытался сделать шаг, но нож, танцующий канкан на шеи девушки завопил: «Куда

прёшь! ЗАРЕЖУ!!!» Положение становилось всё более и более безысходным. Бандит нервничал всё сильнее.

– Свалили нахер! Зарежу суку! – визжал он.

– Кому сказал! Отпусти девочку! – ещё раз прикрикнул Селиван, но нож бандита вместо того, чтобы сдаться, принялся танцевать с ещё большим рвением, и уже пара капель крови вышли из шеи девушки, поглядеть на происходящее.

– Селифан, это не помогает, – вмешался старый сельчанин, – лучше делать, что он говорит.

– Постойте! – крикнул кто-то из толпы, – сейчас староста придёт! Он сможет дого...

Его слова утонули в грохоте. Пуля пробила доски и плоть. Чей-то вздох. Тела падают. Тишина.

– ОЙ! Убили! Убили! – завывла женщина.

– Кто стрелял?! Кто стрелял?! – зарычал Селифан.

Толпа засуетилась, раскричалась, кто-то куда побежал, кто-то попытался перелезть через забор, двое мужиков стали толкаться, пытаясь заглянуть в дырочку от пули, кто-то занялся телами, а человек с чужим именем бежал что есть мочи. Он бросился в лес, скрылся за кронами деревьев, обогнал посёлок, прокрался к кладбищенским воротам и, убедившись, что за ним нету погони, успокоился. Он сам запер ворота кладбища и уже собирался идти ложиться спать, но револьвер неприятно отдавливал карман, как надоедливый ребёнок, который будет висеть на тебе до тех пор, пока ты не потратишь на него своё драгоценное время. Человек с чу-

жим именем тяжело вздохнул и достал револьвер. Оружие зашептало:

– Послушай, милый. Разве тебе не понравилось то, что мы с тобой сделали? Разве не приятно держать кого-то на мушке, как будто произнося приговор? Разве не приятно нажимать на курок, чувствовать, как механизм приходит в действие, как он предвещает приближение рока? Разве не приятно тонуть всем разумом в грохоте выстрела? Разве не приятно убивать? Подумай, сколько всего мы можем сделать, сколько проблем мы можем решить. Просто лёгкое движение пальцем и нет больше ни герра, ни Пса, ни Грэга. А вместо них есть деньги, припасы, свобода. А ещё есть патроны, сладкие, сладкие патрончики. Разве они невесело звенят в кармане? Ведь каждым патрончик – это одна решёная проблема. А их тут много. Я, конечно же, не хочу тебе указывать. Просто заметь, что нам бы этих патрончиков хватило бы, чтобы как следует повеселиться. Ведь нам на всех хватит, и даже для тебя останется. Давай же повеселимся перед концом!

– Врёшь, сука. Не будет конца, – покачал головой человек с чужим именем и вышвырнул револьвер.

Смирнов пошёл спать. Пёс сидел у стола и с умилением смотрел как герр пьёт чай. Вёрфлюхт наконец-то обхватил кружку с напитком и пригубил, но тут же выплюнул чай обратно в кружку и со злостью попытался поставить её, из-за чего кружка упала на стол, высыпав всё содержимое.

– Ты идиот! Ты нахрена столько сахара туда положил!? – закричал Вёрфлюхт.

– Чтоб вам по слаще было, – ответил Пёс с умилением.

– Эх, просто отведи меня в кабинет и уберись тут, – сказал уже уставший Вёрфлюхт и ушёл в сопровождении радостного раба, даже не заметив появления Смирнова. Александр Иванович наскрёб себе немного еды на кухне и улёгся спать.

Его разбудили пинками. Он вскочил и, ударившись головой об край стола, под которым он спал, опять улёгся.

– Осторожно, блин! Какой ты... тебя даже бить жалко! – Вадим махнул на него рукой.

– А что, уже вставать? – пробормотал Миша, потирая затылок.

– Да, рядов Кротов, генерал слёзно умоляет вас вылезти из-под стола. Без вас нам войну не выиграть, – ответил Вадим и, ещё раз его пнув, протянул ему револьвер, – армия с глубоким уважением возвращает вам ваше боевого оружие. Наша рота счастлива, что вы решили просрать его именно у нас.

Миша с удивление взял из рук друга своё оружие.

– Откуда он? – спросил парень, потирая ещё заспанные глаза.

– Ты его просрал, придурок! Ты свой долг просрал! Ты товарищей просрал! Ты своё имя просрал! Ты лучшего друга просрал! Ты свою жизнь просрал! Ты всё просрал!!! – заорал Вадим. Позади Мишы что-то горело, и в треске пламе-

ни слышались отзвуки чей-то жизни.

– И что мне теперь делать? – спросил парень.

– Постарайся хотя бы револьвер больше не терять, – ответил старый друг, и всё сгорело.

А из праха одного дня восстал следующий. Грэг приволок им из посёлка два трупа. Пёс и Смирнов сначала похоронили одно тело, а второе решили закопать завтра. Уставший Смирнов вечером обошёл кладбище. И это обход привёл его к знакомой могиле. Человек с чужим именем долго смотрел на надгробие и прошептал:

– Заткнись.

Он развернулся и пошёл домой, но что-то неприятно оттягивало ему карман. Он пошарил там и вытащил револьвер.

– Здравствуй, милый, я вернулся к тебе. Ты скучал? – прошептало ему оружие. Человек с чужим именем вышвырнул револьвер за ограду и побежал в дом. Пёс уже накладывал ужин. Старик швырнул Смирнову какую-то бурду в миске и поднёс тарелку с бифштексом и пюре герру. Вёрфлюхт, еле как управляясь с вилкой, принялся за кушанье.

– Бифштекс пережарил, – пробурчал он.

– Я колбасы сейчас подам! – засуетился Пёс.

– Да сиди ты, и так поем, – махнул рукой Вёрфлюхт.

Смирнов проглотил свою бурду и лёг спать. Разбудил его револьвер, своим тихим шёпотом:

– Как спалось, милый? Хорошо ведь, да? Разве ты бы не хотел спать так вечно?

Смирнов вышвырнул оружие в окно.

После этого работник кладбища принялся за новый день. Расправившись с ним, Смирнов вновь обошёл кладбище. Он опять пришёл к знакомому надгробию. Он опять долго смотрел на него и прежде чем уйти сказал:

– Я не могу.

Вовремя ужина Пёс с ложки кормил герра манной кашей.

– Ты не в печку поленья закидываешь, поаккуратнее! – возмущался Вёрфлюхт, положив свои поломанные пальцы на мягкую подушечку. Смирнов поужинал зачерствелым хлебом и заснул. Ему приснилось прекрасное ничего.

Следующие несколько дней скомкались в один длинный. Псу и Смирнову пришлось раскопать целую кучу могил, потому что из города пришли гробы, которые там были не нужны. Близнецы могли бы помочь несчастным работникам кладбища, но в место этого они решили помереть от алкоголизма и прибавили работы. Мало того, по ночам они просили у бедного Пса водку и то приходилось по полночи запикивать их обратно в могилы.

В какой-то момент револьвер зашептал Смирнову:

– Милый, ну разве ты не устал от всего этого? Всего лишь выстрел и тебе больше не придётся работать. Всё закончиться и эти огрызки не будут на тебя так смотреть.

Смирнов, не говоря ни слова, отдал револьвер Псу.

– Благодарю вас, коллега, что поделились со мной столь важным кладбищенским инвентарём, – ответил ему старик,

поклонился и закопал оружие.

Погода стояла жаркая, поэтому надо было работать быстро. Земля высохла и превратилось в камень. Пот стекал со Смирнова, как кровь с подвешенных на крюках пленных. Солнце жарило так сильно, что Смирнов чувствовал себя как кучка селян, которых заперли в горящем сарае. Только вместо весёлого улюлюканья солдат Иван Александрович слышал только назойливое жужжание мух, которые как бы говорили друг-другу:

– Как думаешь он скоро помрёт? Я надеюсь скоро! Жду не дождусь, когда мы сможем облепить его умирающее тело. Ну долго он ещё, а? Мне как бы уже надо яйца в его труп откладывать.

Смирнов уже не раскапывал могилу, а просто тыкал землю лопатой. Он был уже готов лечь в землю вместо клиентов, когда кто-то позвал его. Он не понимал кто его зовёт, но это определённо было важно. Это конечно же важно, всё-таки друг зовёт как ни как, нельзя просто так взять и отвернуться от товарища. К тому же работа не сложная, да и Вадиму можно довериться...

Стоп. Человек с чужим именем отогнал от себя навалившуюся усталость и увидел насмешливое лицо могилы. Он швырнул в ухмыляющийся камень лопату и закричал:

– НЕТ! Сколько раз мне говорить, я не буду этого делать! Ты сдох! Смирись с этим! Отстань от меня! Не разговаривай со мной!

Человек с чужим именем намеревался уйти, но надгробие протянуло ему револьвер. Человек вздохнул, взял оружие и направился прочь.

– Ну не сердись так, милый. Он всё-таки твой друг. Ему там одиноко. Может составишь ему компанию? – зашептал револьвер. Человек с чужим именем швырнул оружие в гроб одного из клиентов.

Радовало то, что скоро работа кончиться. Клиенты у них нынче были не очень. Это были разорванные снарядами, порубленные саблями, украшенные пулевыми ранениями никому не нужные куски мяса, которых отправили гнить сюда. Их измученные долгим насилием морды осуждающе смотрели на человека с чужим именем. Он должен был лежать с ними, презренный, поломанный и мёртвый. Человек с чужим именем не мог смотреть в ту бездну, что осталась у них вместо глаз, а Смирнов просто старался хорошо работать.

В утро, не какое-то конкретное, а одно из тех слипшихся вместе утр Смирнов проснулся весь в крови. Он с удивлением посмотрел на расковырянную вилкой руку и, пошарив под подушкой, нашёл там револьвер и оторванный кусок пододеяльника, на котором было написано кровью:

«Ты задолбал! Я тебе сказал, револьвер не теряй!»

В. Ш.»

Человек с чужим именем выкинул записку, взял в руки револьвер и с таким лицом, как будто он съел целый лимон, спросил:

– Ну?

Ответом на столь красноречивый вопрос было не менее красноречивое молчание. Смирнов вздохнул, убрал револьвер за пазуху и пошёл смывать кровь.

После столь ободряющего утра, ему пришлось пройти ещё один выматывающий день и вишенка на торте – ночная смена. Что может быть лучше, чем после долгого, утомительного, суставодробительного рабочего дня целую ночь сидеть на холоде, борясь со сном, и шарахаться от каждого шороха, боясь, что тебя придушит полусгнивший труп? Вот и Смирнов не знал ответа на этот вопрос и сидел на крыльце, думал. Ночь тоже о чём-то думала.

Он поднялся с крыльца, подошёл к знакомой могиле и смотрел на неё всю ночь.

Когда дыхание утра стало еле-еле чувствоваться в ещё ночном воздухе человек с чужим именем тяжело вздохнул и пробурчал:

– Ладно, твоя взяла.

Он взялся за лопату и принялся раскапывать могилу. Земля уходила на удивление быстро, он работал не один. Не успел человек с чужим именем опомниться, как перед ним уже лежал гроб. Он чуть-чуть расширил могилу и распахнул крышку. На него уставилось прогнившее, наполненное гнилью, деформированное от пуль и ударов, тошнотворное лицо старого друга.

– Здравия желаю, рядовой Шишмарин, – сказал человек

с чужим именем и горько усмехнулся, – ну вставайте, раз хотели, чтоб я вас раскопал.

Глаза друга уже похитили черви, а в пузе пировали жуки, доедая кашу, которая вырвалась из его чрева под действием трупных газов.

– Вставай! Ну вставай, же! Вставай! – неожиданно для самого себя завопил человек с чужим именем. Трупная вонь дала ему хорошую пощёчину. Он отвернулся от могилы. Комок встал в горле. Он упал на землю, тело затряслось.

– Идиот! – выbleвал он из себя, утирая слёзы.

– Эй, Крот! – раздался знакомый голос из-за спины. Парень обернулся. Перед ним стоял старый товарищ.

– Шиша? – Миша утёр слёзы.

– Ага, – ответил Вадим, подняв лопату, – тебе весточка с фронта.

И он опустил лопату на голову Мише.

Человек с чужим именем очнулся во тьме. Последние горсти земли упали на его гроб.

– Эй! Шиша! Шиша, сука! На помощь! Кто-нибудь! ПОМОГИТЕ! – заорал человек с чужим именем, и ему ответил голос на непонятном, но знакомом языке. Из чёрной, как дым от горящих деревень, темноты выползли старики с завязанными за спиной руками и простреленными головами, зарезанные мальчишки, женщины в удавках, девочки со стекающей по ляжкам кровью. Они схватили Мишу и, крича, плача, хохоча, умоляя о милосердии потащили его обратно,

обратно под рвущиеся снаряды, пот стрекот пуль, под обрушающиеся на голову сабли.

– НЕТ! НЕТ! Помогите! Кто-нибудь! Я не хочу туда! Только не обратно! Пожалуйста, только не туда! Я не хочу туда! Спасите! КТО-НИБУДЬ! СПАСИТЕ! НЕТ! НЕТ! – визжал Миша в ужасе, захлёбываясь соплями и слезами.

И вдруг, чья-то сильная рука разорвала землю и вытащила его из мрака. Парень лежал на земле и дрожал, слёзы ручьями лились из его глаз. Он с жадностью хватался за воздух. Рядом с ним стоял Грэг и смотрел то на свои руки, то на вскрытую могилу.

– Спасибо, – выдавил из себя человек с чужим лицом. Грэг дальше смотрел в могилу, и улыбка выползла на его лицо

– Победил! – радостно взревел Грэг, скалясь земле, – ещё раз выиграл. Я сильный! Ты меня не съешь! Не нравится? Болтай меньше!

Человек с чужим именем еле как поднялся на ноги и дрожа, как избитая собака, поковылял к дому.

Около крыльца его остановил недовольный Пёс.

– Щенок, ты чё наделал, а? Щенок! – старик схватил его за шкуру и притащил к той части кладбищенского забора, где раньше было несколько расшатанных прутьев. Теперь на этом месте зияла дыра, через которую бежали радостные следы.

– Ты труп выпустил, щенок! – кричал Пёс прямо в ухо

Смирнову, – ты хоть знаешь, что это значит?! Будь моя воля, я бы тебя сжёг, а пепел в баночку собрал да в воду, чтобы ты земле не достался, урод. Иди, ищи беглеца! И попробуй только вернуться без него! Я тебе такое устрою!

Человек с чужим лицом оттолкнул старика.

– Ты... – Пёс хотел уже что-то сказать, но встретившись взглядом с человеком, только покачал головой и тихо сказал, – щенок, какой же ты щенок.

Человек с чужим именем, шатаясь, пошёл за трупом. Следы, не говоря ни слова, привели его к покосившемуся домику, из окон которого открывался неплохой вид на кладбище. Одного из этих окон было жестоко разбито. Его остатки обнажили всю свою остроту в страхе, что и за ними придут. Человек обухом топора постучал в дверь и тут же отошёл от неё. Ему открыла уже знакомая девочка.

– Здравствуйте дядя, – она улыбнулась ему своими голубыми глазами, – вы пришли за вонючим дядей?

– Ага, – кивнул человек с чужим именем. Девочка пустила его в свой дом. Он пребывал в ужасе, потому что долгое время он считал себя свободным от взрослых, но теперь они вновь вломились в его недра. Девочка успокоила домик и показала человеку с чужим именем на закрытый люк:

– Вонючий дядя там.

Человек нашёл швабру, повесил на неё свой пиджак и открыл люк. Свет пробился в мрачный погреб, мертвец зашевелился. В проходе появилась чья-то фигура. Пуля с насла-

ждением прорезалась сквозь нею и впилась в стену. Домик застонал от боли.

– Ой! – вскрикнула девочка, – а вонючий дядя не шутил, когда сказал, что стрелять будет.

– Да, в таких вещах он довольно серьёзен, – ответил человек с чужим именем. Он присел накрою люка, одел на голову кастрюлю и крикнул в пустоту:

– Ну ты и лох Шиша! Видать, последнее в башке сгнило!

Ещё одна пуля вылетела из мрака. Она, разочарованно взвизгнув, отрикошетила от кастрюли и влетела в любопытнее тарелки, которые забрались друг на друга и смотрели со своей полки. Несколько из них с предсмертными воплями разбились об пол, окропив ковёр своими осколками.

– Рядовой Шишмарин, разрешите обратиться! – крикнул Миша, лежа рядом с люком, но уже не пытаюсь заглянуть туда.

– Я тебя застрелю, сука! – крикнул ему труп.

– Вряд ли, у тебя один патрон остался, если ты, конечно, не высрал себе ещё парочку, – ответил Миша, – Шиша, давай поговорим, а? Просто поговорим. Мы с тобой всё-таки давно не виделись.

– Иди нахер! – крикнул труп.

– Вонючий дядя очень злой, – сказала девочка.

– Слышал, Шиша, ты злой. Ну-ка, похорошей! – крикнул Миша.

– А вы над ним не смейтесь, может он и правда похоро-

ет, – посоветовала девочка.

– Послушай мелкую, меня бесить не стоит, – заметил Вадим из подвала.

Миша хотел что-то ответить другу, но во входную дверь постучали.

– Эй, мелкая, у тебя там всё в порядке? – раздался чей-то раздражённый голос из-за двери.

– Ну вот, соседей растревожили, – девочка упёрла руки в боки.

– Так, мне с вонючим дядей лишние глаза не нужны. Сможешь их спровадить? – спросил Миша у девочки.

– Да легко! Они обычно меня вообще не замечают, а тут вдруг явились, – насупилась девочка, но, на секунду задумавшись, сказала, – а их спроважу, а взамен вы отведёте меня к папе.

– По рукам, – ответил Миша, и они крепко пожали руки.

– Эй Шиша, – сказал Миша в люк, но уже по тише, чтобы только труп мог его услышать, – сюда уже деревенщины прут. Выбирай: либо я буду с тобой говорить, либо они.

Все звуки умолкли в подвале. Через некоторое время труп ответил:

– Да хрен с тобой, спускайся.

Человек с чужим именем залез в подвал. Затхлое помещение пропахло отвратительным запахом гнили со сладковато-тошнотворным привкусом самой смерти. Тело прижалось к стенке подвала, и в скупых лучах, проникающих сюда

из люка, было видно только поблёскивание револьвера.

– Мог бы и помыться, – заметил Миша, пряча нос в воротник своего пиджака.

– Мог бы и не кидать нас, – ответил Вадим, целясь в голову старого друга.

– Шишь, если не хотел со мной поговорить, то зачем ты заставил меня раскопать могилу? – спросил Миша.

– Думаешь мне нравилось там лежать? Я просто пытался свалить оттуда, – ответил Вадим, выбирая в какой глаз лучше выстрелить.

– А меня обязательно было закапывать? – поинтересовался Миша.

– Ты больше всех заслуживаешь этого! – рука Вадима задрожала от ярости.

– О, так у нас бегство – это больший грех чем убийство? Просто охерительная мораль, не находишь?! – воскликнул Миша.

– У тебя нет ни капли чести. Мы остались там, мы выполнили свой долг, – каждое произнесённое слово Вадим сопровождал глухим ударом рукояти револьвера об пол погребца.

– На хера ты там остался! Кому нужен был твой долг? Кому ты был нужен? Людям, чьих родственников ты убил? Генералам, которые забыли о тебе? Больным сослуживцам, которые думают только о том, как бы кого-нибудь трахнуть и зарезать? Ты мне был нужен Шиша, мне! – закричал Миша, и слёзы подступили к его горлу.

– Тебе? Да тебе насрать на меня! Не ври себе, Крот. Если бы я был тебе дорог, ты бы не оставил меня там. Ты только и можешь, что бояться за собственную шкуру. Ты животные. Ты не достоин называться человеком! – Вадим со всей силы ударил револьвером по стене, и хлопья пыли упали ему на голову.

– А что, Шиша, в грабежах, в убийствах, в насилии больше человеческого, а?! – Миша, смотря в то место где были глаза Вадима, медленно шёл к нему.

– За тобой тянется столько же грехов! Ты ничем не лучше нас! – вскочил мертвец.

– Единственным мой грех- это то, что я не зарезал вас всех вовремя одной из ночёвок, – процедил Миша прямо в лицо старому товарищу.

– Я убью тебя!!! – заорал Вадим и упёр револьвер в лоб своего друга.

–Ну давай! Давай, нажми на сраный курок, и мы наконец-то покончим с этим! –закричал Миша, прижимая лоб к дулу.

Оружие задрожало. Курок заскрипел. И Вадим выстрелил в потолок. Он вышвырнул револьвер и, закрыв лицо руками, упал на землю.

Миша тяжело вздохнул и сел рядом с парнем. Два друга ничего не говорили. Вадим пытался выдавить из своих опустевших глазниц хоть каплю скорби. Миша смотрел на жиденькие лучи солнца, проникающие в погреб.

– Знаешь, я же, когда убежал припасы унёс, чтобы продать, но по дороге испугался, что из-за них я слишком медленный, поэтому всё выбросил в болоту, – усмехнувшись, сказал Миша.

– Ну ты и мудак, – отозвался Вадим, не убирая рук от лица. Миша пожал плечами и продолжил смотреть на беззвучно льющийся свет.

– Когда ты сбежал, нас накрыли, – вдруг сказал Вадим, убрав руки от лица и уставившись на тоненькие струйки света, – мы ползли под пулями несколько дней без еды и патронов. Меня ранило в живот и... Я умолял их не бросать меня. Я рыдал и... Они зарезали меня, чтобы мои крики не привлекли врага и оставили гнить там.

Два друга молчали. Они смотрели как пылинки плавают в лучах света, как будто души, уходящие на дно реки смерти.

– Крот, а ты почему сюда приехал? – спросил Вадим.

– Дык, прятаться мне где-то же надо, – пожал плечами парень.

– Но почему ты тогда не поехал домой? – Вадим посмотрел на своего друга.

Миша некоторое время напряжённо всматривался в пустоту, пытаясь найти там что-нибудь, и неуверенно ответил:

– Я... я не знаю. Я... я не помню где мой дом. Я... Слушай, Шиша, а ты помнишь, что было до того, как нас туда отправили?

– Не-а, – покачал головой старый друг, – это... это было

так давно. Я как будто под одними обстрелами провёл лет сто. Перед этими воспоминаниями старое меркнет. Моё детство, моя семья, мои старые друзья... я их не помню. Они... они точно были. Ну, то есть, я же не мог просто появиться из темноты и отправиться в мясорубку, правда? Но я не помню. Вообще ничего не помню... Всё сгорело.

Миша с опаской спросил:

– Шиша, а сколько нам лет?

– Я не помню, – покачал головой парень.

– Нам же... нам должно быть где-то около двадцати, да? – предположил Миша.

– Возможно, я же сказал, что не помню, – пожал плечами Вадим.

Миша вдруг захихал себе в рукав.

– Ты чего? – спросил Вадим.

– Да, просто... Забавно, – улыбнулся Миша, – ты труп, я дезертир, и мы сидим в подвале у какой-то маленькой девочки и никак не можем вспомнить сколько нам лет. Ну разве это не бред? Наша жизнь – это одна огромная нелепица.

– Да, херь та ещё, – ухмыльнулся Вадим.

Друзья молча продолжили наблюдать за плаваньем пылинки. Сверху доносился какой-то невнятный шум, но он оседал на полу погреба, не пытаясь заполнить помещение.

– Шиша, а давай уйдём отсюда, – сказал Миша.

– Нет, серьёзно, давая просто свалим, – он повернулся к другу, – на хер это посёлок, на хер это кладбище, на хер всех.

Давай просто красиво уйдём в закат, а?

– Ты издеваешься! Ты меня видел?! – Вадим просунул почерневший палец сквозь дыру в щеки, и высунул его наружу через ноздрю.

– Ой, да брось, Шиша, – Миша похлопал друга по плечу, – посмотри на себя, твою рожу сожрали черви, а как был красавчиком, так им и остался! Ты, конечно, воняешь как дохлая кошка, которую похоронили в яме с дерьмом, а потом обоссали, но мы это как-нибудь поправим. Шиша, мы с тобой такую жесть видели, что нам уже ничего не страшно.

Миша, приободрённый своими мыслями, вскочил и протянул другу руку:

– Ну вставай, пошли отсюда.

– Это бесполезно, – покачал головой Вадим.

– Да почему!?! – негодовал Миша.

– Мы не сможем, – ответил Вадим, – конец уже давно наступил, а мы этого даже не заметили.

– Нет... Нет! Это ещё не конец! Я ещё не пойман! Я живой, я все ещё живой, и пока я не гнию в земле – конец ещё не настал. Я ещё побегаю, вот увидишь! Я не умру, ясно? Я не умру! – закричал Миша. Вадим лишь улыбался.

– Беги. Тебе уже пора, – сказал старый друг и лёг посреди подвала

Миша хотел что-то сказать, но в тёмных углах погреба что-то зашевелилось. Где-то далеко во мраке зазвучали рвущиеся снаряды.

Миша в ужасе выбежал из погребца, захлопнул люк и завалил его шкафом.

– Вонючий дядя останется жить в моём погребе, да? – спросила девочка.

– Боюсь что да, – ответил парень и в бессилии рухнул перед упавшим шкафом.

– Ну вот, теперь убираться придётся, раз он у меня в гостях, а то расскажет всем, что я неряха. А мне, вообще-то, ещё с ребятами нужно встретиться. Они меня в лесу ждут. А я ещё с папой не встретилась. Ребята, конечно, могут там ещё посидеть, но как-то неловко заставлять их ждать. Я то последняя в посёлке осталась. Все ушли. Ну Проша ещё остался, но ребята его не хотят брать. Они говорят, что он слишком большой. Я думаю, что это плохо. Прошка, конечно, здоровый дурень, но он хороший. Он мне столько игрушек строгал – целый шкаф! – затараторила девочка.

– Пошли, – поднявшись, сказал Миша.

– Куда? – удивилась девочка.

– К твоему папаше, как обещал, – ухмыльнулся Миша.

– Ура! – закричала девочка и, схватив парня за руку, выбежала из домика.

В лучах умирающего солнца к кладбищу шли две фигуры. Их увидела старая женщина, недавно потерявшая дочь. Узнав в маленькой тени последнего ребёнка в посёлке, она подняла крик:

– Соседи! Люди добрые! Ребёнка украли! На кладбище

уволокли упыри поганые!

– Чего разоралась? Какой ребёнок? – вопрошали жители посёлка.

– А у нас тут что, детишек куры не клюют что ли? – развела руками женщина.

– А ты нам старые раны не тереби! – крикнула какая-то бабушка.

– Да вы тут все чокнулись уже! Дурни! От вас все уже ушли, последнего ребёнка уводят, а вы только глазами хлопаете. Ну что за люди! – возмущалась старая женщина.

Жители посёлка уже хотели её что-то сказать, но вдруг появился Селифан и прогремел:

– Правильно говоришь. Правильно. А вы что встали? Ну-ка бегом девочку спасать.

Делать было нечего, люди похватали всяких инструментов со своих участков, чтобы было чем драться в случае чего, и пошли на кладбище.

Мишу и девочку никто даже не пытался остановить на землях мёртвых. Пёс нянчился с герром, а Грэг лежал и, рыдая, слушал землю.

– А почему большой дядя плачет? – спросила девочка.

– Не знаю, но лучше нам его не беспокоить, – ответил Миши и обошёл Грэга.

Парень достал из сарая лопату. Потом он отвёл девочку к могиле, которую сам перекапывал не так давно.

– Это твой папа? – спросил Миша показывая на могилу.

– Нет, это могила, – ответила девочка.

– Отец твой здесь закопан? – спросил уже раздражённый

Миша.

– Ага, – кивнула девочка.

– Ну тогда за дело, – Миша принялся раскапывать могилу.

Толпа вбежала на кладбище.

– Ребёнка не трожьте! Ироды! – вопила старая женщина. В свет факелов, легко пробивающийся через вялый вечерний сумрак, попал рыдающий Грэг.

– Это... это ж Гришка-убийца! – один мужик узнал Грэга.

– Мы ж убили его, а он выжил. Вот сука! – крикнул второй мужик

Третий мужик заорал:

– Мочи гниду!

Камни полетели в Грэга. Великан завыл, ярость вперемешку с кровью проступила на его и без того жуткое лицо. Он побежал на мужиков, и они в ужасе бросились в разные стороны, боясь попасть под его лапища. Вперёд вышел богатырь Селифан. Он откинул рассвирепевшего Грэга от толпы.

– Только попробуй! – пригрозил Селифан, и его глаза сверкнули под бровями, как молнии под свинцовым небом.

Грэг издал низкий и протяжный вой, как будто это сама Мать-земля выла, зовя людей в свои цепкие объятия.

– Вы что это тут устроили, а!?! Безобразие! Стыдоба! Галиматья! – из взволнованной толпы, не переставая ругаться, вышел мужчина в летах похожий на старую дворнягу, кото-

рую хозяева очень любят и изо всех сил стараются нарядить её в породистую собачку.

– Овчаркин, успокойтесь, все в порядке. Я уверен мы со всем разберёмся, – сказал безукоризненный мужчина с серебряными волосами, элегантно орудуя своей тростью из благородного кипариса.

– Господин Вёрфлюхт! – воскликнул Овчарки, подбегая к старосте посёлка, – вот этого я и боялся. У вас так много дел, а «эти» вас всё отвлекают.

– О, добрый друг, – сребровласый мужчина похлопал верного слугу по плечу, – меня умиляет твоя забота, но сам подумай, какой из меня староста, если я не могу помочь своим людям.

– Господа, будьте так любезны, доложить, какого хрена вы делаете на моём кладбище! – герр Вёрфлюхт, поддерживаемый с одной стороны Псом, а с другой своей тростью, медленно спускался с крыльца.

– Это дело посёлка, Вернер, – грозно отрезал сребровласый мужчина.

– Ой, посмотрите, как он с отцом заговорил, – покачал головой Вернер, – что, место старосты тебе храбрости предало, сопляк?

– Да как ты смеешь, так разговаривать с господином... – начал было Овчарки, но герр прикрикнул на него:

– Заткнись, раб! Твой хозяин не давал тебе права открывать пасть. Или ты уже решил предать его, как и меня?

– Ты не можешь так с ним разговаривать! – возмутился Вёрфлюхт младший.

– Я не могу? А ты мог так поступить со мной?! – Вернер поднял изломанную руку, – твои ублюдки переломали мне все кости. Они избili меня как псину! Я, чёрт подери, староста этого сраного посёлка, а не ты!

– Ты не оправдал свой титул, – покачал головой сребровласый мужчина, – из-за тебя старый посёлок умер в чахотке. Это ты их убил!

– Я? Я! – Вернера затрясло от ярости, – в чём я ошибся, а?! Может быть я обосрался, когда организовал отдельную больницу для больных? Или, когда объявил карантин? Или, когда завалил город криками о помощи? Или, когда я сам приехал в городскую больницу за врачами? Я сделал всё, что мог! А ты просто избил меня и отправил на сраное кладбище.

– Если бы не ты, то мама... – Вёрфлюхта младшего затрясло от злобы и горечи. Вернер ударил концом трости по стене дома:

– Не смей, не смей. Гретхен знала на что шла. Она сама решила помогать докторам. Это её выбор.

– Хватит! – рявкнул богатырь Селифан и бросился на герра. Ему навстречу выскочил Пёс. Старик напрыгнул на великана и забил ему в глаз кухонный нож. Селифан издал рык поражённого медведя и рухнул, подобно горе. Толпа тут же затихла. Овчаркин в ужасе попятился. Вернер с удивлени-

ем смотрел на слугу. Пёс секунду сам пялился на огромное тело, дивясь своей ловкости. Улыбка ответило лицо старого слуги, он радостно заверещал:

– Хозяин! Хозяин! Я смог! Я защитил! На этот раз я защитил вас! Простите меня хозяин! Я вас больше никогда-никогда-никогда не подведу!

Один мужик схватил камень и бросил его в Пса. Камень вгрызся в затылок старика. Пёс, улыбаясь, упал в лужу крови и затих.

– Нет, Захар! – закричал Вернер и побежал к слуге, но ноги герра предали его, и он упал. Вернер, проклиная свою немощность, пополз к слуге.

Вёрфлюхт отвернувшись от трупов и от отца, сказал своим людям:

– Избавьтесь от них.

– На этот раз, вам так просто не получится, – раздался голос из подкравшейся ночи. В свет факелов и фонарей, хромая, ползя, падая, но вновь вставая, ворвались мертвецы. В их бледных глазах, в их сгнивших лицах, в их оголённых черепках была обида, горше полной могилы полыни.

– Что это за твари!?! – закричала толпа, в страхе ощетинив всё то скромное подобие оружия, которое у них было.

– О, мы? – ухмыльнулись мертвецы, – мы те, кого вы тут оставили. Мы те, кого вы бросили гнить. Мы те, кого вы обрекли на вечность в давящем мраке.

Мертвецы оскалили гнилые зубы. Живые попятились на-

зад. Вдруг из кучки мертвецов вперёд выбежал один труп и закричал:

– Постойте! Люди, вы что, не узнаёте меня? Это же я, Васька Сидоров.

Мертвецы с презрением смотрели на него, мужики покрепче взялись за своё скудное оружие.

– Эй, ну вы чё? Вы правда меня не узнаёте? – смердящая смертью дыра на лице трупа, что когда-то была ртом, искривилась в некоем подобии улыбки, – Женька, ну ты чё не помнишь, как мы с тобой сарай твой чинили прошлой зимой. А ты, Ванька, забыл, как мы у Серого кутили? Ребята, вы чего? Это же я!

Труп сделал ещё пару шагов к толпе, и один мужик, не выдержав, запустил в него молоток. Тяжёлый инструмент врезался в прогнившую голову. Шея хрустнула, и голова откинулась назад. Тело поскользнулось и упало, беспомощно хватаясь за воздух. Мертвецы с воплями бросились на живых. Живые, крича от ужаса, приготовились отбиваться от трупов. А Грэг, который отполз в сторону и продолжил слушать землю, завопил:

– Прости меня, мамочка, прости! Я не хотела тебя оставлять! Прости меня!

И он принялся раскапывать землю.

Миша откинул в сторону лопату и распахнул гроб.

– Ну, вот твой папа, – сказал он и указал девочке на могилу. Оттуда вылез изрубленный труп и уставился своими пу-

стыми глазницами на ребёнка. Девочка попятилась.

– Маша? Машенька? – вырвалось из смердящей смертью пасти мертвеца.

– Папа? Папочка! – закричала девочка и бросилась отцу на шею. Она обнимала и целовала его, и куски гнилой плоти оставались на её губах и руках. Она рыдала и говорила:

– Папочка, я так скучала, я так скучала! Я знала, что мы встретимся, я знала! Давая я отведу тебя к ребятам в лесу, нечего тебе тут сидеть. Они сказали, что взрослые нам не нужны, но ты не переживая, я смогу их убедить.

Изломанный труп просто обнял тот последний кусочек старой жизни, который у него остался.

Миша заметил толпу у администрации кладбища и тихонько побежать. Он нёсся, подобно пули, но его силы закончились быстрее чем территория кладбища.

Он остановился перевести дыхание и вдруг осознал, что стоит перед раскопанной могилой своего друга. Парень посмотрел во тьму могилы, и оттуда до него донеслись звуки разрывающихся снарядов и стрёкот пуль. Миша попятился, а из мрака земли, цепляясь за мрак ночи, выползли замученные пытками пленные, зарубленные старики, брошенные на смерть раненные, заживо гниющие солдаты, изнасилованные женщины, задушенные на глазах родителей дети, и дым, и смрад, и кровь. И Они, вопя, хохоча, рыдая, проклиная, бросились на Мишу. Он спотыкался, обдирал кожу об ветки, ушибался об надгробным плиты, сердце хотело вырвать-

ся из его груди, но он бежал, он, чёрт подери, бежал, наплевать куда, наплевать зачем, главное, чтобы Они не забрали его обратно. Но Они были быстры. Они схватили его за ноги и потащили обратно. Он цеплялся за землю, оставляя в ней свои ногти вместе с мясом. Но разве это остановит Их? Звуки разрывающихся снарядов, прорезающих плоть пуль, заполняли его уши, в то время как ноздри наполнялись запахом крови и жжёных волос.

Они тащили его обратно. Миша выхватил топор и отрубил себе ногу. И он пополз, истекая кровью и разрывая глотку криком. И полз он вечно. И вокруг рушился мир. И смерть оставила его. И вечно он пребывал в агонии. И вечно были гниющие тела. И вечно были взрывы снарядов. И вечно были умирающие люди. И вечно была боль. И вечно была скорбь...